

19 февраля 1861 г.

Вникните въ смыслъ крестьянской реформы, писалъ М. Е. Салтыковъ, въ *Современникъ*, взвѣсьте ея подробности, припомните обстановку, среди которой она совершалась, и вы убѣдитесь, во-первыхъ, что, несмотря на всю заботность и безвѣстность, одна только *нравственная* сила народа и произвела всю реформу, и, во-вторыхъ, что, несмотря на неблагоприятныя условія, она успѣла положить на реформу неизгладимое клеймо свое, успѣла найти себѣ поборниковъ даже въ средѣ ей чуждой". Каковы же были историческія условія событія 19 февраля и какія существовали хотя бы и вѣшнія причины успѣха переворота, созданнаго съ помощью Верховной власти, если, по мнѣнію вліятельнаго представителя русской общественной мысли, внутренняя сила была одна. Прошло пятьдесятъ лѣтъ послѣ трогательнаго освободительнаго дня, и вспомнимъ съ чувствомъ великой благодарности тѣхъ, кто работалъ во имя народнаго счастья.

Императоръ Александръ II, будучи Наслѣдникомъ престола, считался сторонникомъ идеи уничтоженія *личнаго* крепостного права и рѣшительнаго улучшенія быта крестьянъ. Но въ послѣдніе годы Николаевского царствованія Александръ Николаевичъ приобрѣлъ себѣ репутацію защитника дворянскихъ интересовъ. При введеніи Бибиковымъ инвентарей въ Сѣверо-Западномъ краѣ Наслѣдникъ оказывалъ явное покровительство помѣщикамъ. Въ виду разнорѣчныхъ слуховъ о намѣреніяхъ новаго Государя, манифеста о восшествіи на престолъ ждали съ напряженнымъ интересомъ всѣ классы общества, полагая, что въ немъ будетъ высказанъ взглядъ Императора на коренной вопросъ государственнаго строя. Ожиданія не

сбылись, о крепостном правѣ не было сказано ни слова. Черезъ полгода послѣдовали первыя смѣны на министерскихъ мѣстахъ. Отставка Клейнмихеля разошлась одна, отставка Бибикова другіе. Новый министръ внутреннихъ дѣлъ Ланской не считался въ числѣ сторонниковъ освобожденія. Но нѣкоторыя облегчительныя мѣры въ положеніи печати и университетахъ давали надежду и на большія перемѣны. Въ письмѣ отъ 30 января 1856 г. Кавелинъ сообщилъ Погодину первый благоприятный слухъ о намѣреніи правительства въ пользу крестьянъ. Онъ писалъ, что бывший главнокомандующій крымской арміей кн. Горчаковъ, возвратясь изъ Крыма, будто бы сказалъ Государю: „хорошо, что мы заключаемъ миръ; дольше воевать мы были не въ силахъ. Миръ даетъ намъ возможность заняться внутренними дѣлами, и этимъ должно воспользоваться. Первое дѣло нужно освободить крестьянъ, потому что здѣсь узелъ всякихъ золъ“. Послѣ того Государь, принимая двухъ губернскихъ предводителей дворянства (воронежскаго и рязанскаго), сказалъ, что нужно будетъ заняться крестьянскимъ вопросомъ. Кавелинъ передаетъ, что даже въ англійскомъ клубѣ стали поговаривать о неизбежной развязкѣ. Что Государь Александръ II признавалъ необходимость преобразованій—въ этомъ, конечно, теперь не можетъ быть сомнѣній, но онъ не считалъ возможнымъ провести реформы единственно силою Самодержавной власти, разомъ сломивъ сопротивленіе сторонниковъ стараго порядка; давая свободу борьбѣ мнѣній, борьбы стараго съ новымъ, онъ не устранилъ отъ власти саяонниковъ прежняго царствованія, кромѣ указанныхъ двухъ и считался съ ихъ мнѣніями, какъ съ отзвукомъ настроенія большинства общества. Огромную услугу новому дѣлу оказалъ Великій Князь Константинъ Николаевичъ; горячій и настойчивый сторонникъ крестьянскаго освобожденія, онъ, вмѣстѣ съ просвѣщенною и дѣятельною Великою Княгинею Еленою Павловною, оказывалъ сильную поддержку немногочисленнымъ приверженцамъ реформы и повліялъ на рѣшимость Императора немедленно приступить къ уничтоженію крепостного права, способствуя твердостью и постоянствомъ своихъ убѣжденій разрѣшенію труднаго вопроса.

Рѣчь Императора Александра въ Москвѣ, когда онъ сказалъ свои, ставшія знаменитыми, слова о томъ „что лучше начать уничтожать крепостное право сверху, нежели дожидаться того времени, когда оно начнетъ само собою уничтожаться снизу“ и обратился къ предводителямъ съ просьбою „обдумать, какъ привести все это въ исполненіе“ произвела огромное впечатлѣніе своею неожиданностью. Министръ внутреннихъ дѣлъ Ланской рѣшился спросить Государя, правда ли, что онъ сказалъ эту рѣчь, и только, когда

получилъ отвѣтъ: „Да, говорилъ точно и нисколько объ этомъ не жалѣю“, рѣшилъ перемѣнить свой образъ дѣйствій. Первый приступъ къ реформѣ сдѣланъ былъ Государемъ 3 января 1857 г., когда былъ образованъ секретный комитетъ по крестьянскому дѣлу, подъ личнымъ предсѣдательствомъ Государя, изъ кн. Орлова, гр. Блудова, кн. Долгорукова, гр. Адлерберга, Ланского, Муравьева, Чевкина, Брока, кн. Гагарина, бар. Корфа и Ростовцева, при производителѣ дѣлъ государственномъ секретарѣ Бутковѣ.

На предложенный въ первомъ засѣданіи членамъ этого комитета Государемъ вопросъ, признаютъ ли они своевременнымъ заняться крестьянскимъ дѣломъ, всѣ члены отвѣчали утвердительно. Однако, комитетъ этотъ не спѣшилъ дѣйствовать. Онъ началъ сперва знакомиться съ представленными проектами, которыхъ набралось болѣе сотни. Корфъ предложилъ образовывать въ каждой губерніи циркуляромъ министра внутреннѣхъ дѣлъ дворянскіе комитеты для обсужденія всего дѣла. Министръ присоединился къ этому мнѣнію о необходимости губернскихъ комитетовъ и предложилъ съ своей стороны уже подробно обоснованный планъ реформы, выработанный товарищемъ министра А. И. Левшинымъ. Земля, по этому проекту, оставалась собственностью помѣщиковъ, крестьянамъ же отдавалась часть для постоянного пользованія за повинности. Личность крестьянина не подлежала денежной оцѣнкѣ, освобожденіе предполагалось безвозмездное, но вознагражденіе за лишеніе права располагать крѣпостнымъ трудомъ было скрыто подъ видомъ оцѣнки усадебъ, сильно повышенной, что впоследствии не разъ предлагалось въ нѣкоторыхъ губернскихъ комитетахъ (промышленной полосы), и чтобы равница въ оцѣнкѣ усадебъ промышленныхъ и земледѣльческихъ губерній чѣмъ-нибудь объяснить, имѣлось въ виду повзвить до крайности размѣры усадебъ губерній послѣдняго характера. Реформу предполагалось вводить постепенно, начиная съ западныхъ губерній, а губернскіе комитеты для разработки преобразовательныхъ мѣръ рѣшено было открыть одновременно. Нужно замѣтить, что въ это время въ распоряженіи секретнаго комитета находились проекты значительно лучшаго качества, представленные разными лицами изъ дворянской среды (Кавелина, Самарина, Кошелева, Черкасскаго). Въ теченіе полугода комитетъ, въ дѣйствительности не сочувствовавшій освобожденію крестьянъ, просуществовалъ безплодно. Великій Князь Константинъ Николаевичъ находился за границей, но лишь только онъ вернулся въ Россію, Государь его назначилъ (въ іюль 1857 г.) членомъ названнаго комитета. Вступленіе въ комитетъ Великаго Князя сразу дало сильный толчекъ движенію вопроса. Въ лицѣ Константина Николаевича комитетъ пріобрѣлъ

наиболѣе убѣжденнаго и смѣлаго защитника немедленнаго освобожденія крестьянъ, а Великая Княгиня Елена Павловна, по своимъ обширнымъ знакомствамъ со всѣми выдающимися людьми тогдашняго общества, могли доставить ему много полезныхъ свѣдѣній. Первые отважныя усилія его, однако, не увѣнчались успѣхомъ. Послѣ трехъ бурныхъ засѣданій, происходившихъ 14-го, 17-го и 18-го августа, большинство комитета, вопреки настоянiямъ Великаго Князя, оставшагося въ меньшинствѣ, признало необходимымъ вести „дѣло улучшенія быта помѣщичьихъ крестьянъ“ съ осторожностью и постепенностью, предложивъ для начала ограничиться изданiемъ указа о дозволенiи дворянамъ отпускать на волю крестьянъ цѣлыми селенiями.

Государь утвердилъ мнѣнiе большинства комитета; но черезъ три мѣсяца мнѣнiе меньшинства, руководимаго Великимъ Княземъ, восторжествовало. Получивъ адресъ дворянства трехъ Сѣверо-Западныхъ губернiй, выразившаго (по внушенiю генераль-губернатора Назимова) желанiе освободить крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, Государь приказалъ комитету немедленно обсудить главныя основанiя реформъ, предложилъ въ руководство проектъ, составленный равнѣе министромъ внутреннихъ дѣлъ Ланскимъ. Въ восьмидневный срокъ, указанный Государемъ, комитетъ выработалъ знаменитый отвѣтный рескриптъ генераль-губернатору Назимову 20-го ноября 1857 г.; этимъ рескриптомъ устанавливались главныя начала освобожденiя крестьянъ (впоследствии, впрочемъ, измѣненныя) и повелѣвалось открыть дворянскiе комитеты въ трехъ литовскихъ губернiяхъ и общую комиссiю въ Вильнѣ, для составленiя проектовъ устройства и улучшенiя быта помѣщичьихъ крестьянъ ¹⁾. Въ пояснительномъ отношенiи министра внутреннихъ дѣлъ было указано,

¹⁾ Основныя положенiя рескрипта: 1) помѣщикамъ сохраняется право собственности на всю землю, но крестьянамъ оставляется ихъ усадебная осѣдность, которую они въ теченiе опредѣленнаго времени приобрѣтаютъ въ свою собственность посредствомъ выкупа; сверхъ того предоставляется въ пользованiе крестьянъ надлежащее, по мѣстамъ удобствамъ, для обезпеченiя ихъ быта и для выполненiя ихъ обязанностей предъ правительствомъ и помѣщиками, количество земли, за которую они имъ платятъ оброкъ или отбываютъ работу помѣщику, 2) крестьяне должны быть распределены на сельскiя общества, помѣщикамъ же предоставляется вольная полицiя и 3) при устройствѣ будущихъ отношенiй помѣщиковъ и крестьянъ должна быть надлежащимъ образомъ обезпечена исправная уплата государственныхъ и земскихъ податей и денежныхъ сборовъ.

Начала, весьма близкiя къ положенiю 1842 г. объ обязанныхъ крестьянѣхъ.

что „улучшеніе быта крестьянъ“, о которомъ упоминалось въ рескриптѣ, означаетъ освобожденіе ихъ отъ крѣпостной зависимости.

Слова „освобожденіе крестьянъ“ правительствомъ была впервые произнесены.

Однако, въ рескриптѣ Государя и въ бумагахъ Ланского рѣчь шла еще не объ общегосударственной реформѣ, а только о мѣстныхъ преобразованіяхъ въ трехъ литовскихъ губерніяхъ. Опасаясь, чтобы реформа не была задержана противниками освобожденія, Великій Князь предложилъ комитету разослать рескриптъ и пояснительное отношеніе ко всѣмъ губернаторамъ „для свѣдѣнія и соображенія на случай, если бы дворянство этихъ губерній изъявило подобное же желаніе“. Небольшая на первый взглядъ мѣра, столь своевременно проведенная Великимъ Княземъ, сильно двинула впередъ все дѣло. Разсылкою этихъ бумагъ правительство предложило дворянству уже всѣхъ губерній слѣдовать примѣру дворянства литовскаго и открыто ставило на очередь вопросъ объ освобожденіи крестьянъ по всей Россіи. Большинство комитета на другой же день рѣшилось испросить Высочайшее разрѣшеніе на приостановку разсылки рескрипта, — но было уже поздно: по распоряженію Ланского и Н. А. Милютина (замѣнившаго съ конца 1857 г. робкаго, нерѣшительнаго товарища министра Левшина) бумаги были отпечатаны немедленно, въ ночь на 21-е ноября, и были уже сданы на почту.

Не получая немедленно представленій и ходатайствъ отъ дворянства другихъ губерній, правительство замѣтно обнаруживало нетерпѣніе. Отъ 10-го декабря, всего черезъ двѣ недѣли послѣ разылки копій съ рескрипта, Ланской запрашивалъ секретно губернаторовъ и губернскихъ предводителей, какое впечатлѣніе произвели рескрипты въ разныхъ губерніяхъ. Общій тонъ отвѣтовъ былъ довольно печаленъ. На указанныя правительствомъ основанія освободить крестьянъ полнаго безусловнаго сочувствія не оказывалось. Отовсюду поступали отзывы о затрудненіяхъ, препятствіяхъ и даже совершенной непримѣнимости опубликованныхъ началъ устройства крестьянскаго быта. Причины медленности, съ какою дворяне отзывались на правительственный призывъ, разнообразны; не говоря о такихъ само-собою понятныхъ вещахъ, какъ темнота, навѣжество, своекорыстіе и страхъ передъ неизвѣстностью будущаго, какой существовалъ въ значительной части дворянства, слѣдуетъ сказать, что многіе просвѣщенные помѣщики относились отрицательно не къ освобожденію крестьянъ вообще, а къ тому направленію дѣла, которое давалось рескриптомъ 20-го ноября. Нѣкоторые желали полнаго освобожденія по влеченію сердца, по гуманнѣйшимъ основаніямъ, другіе среди того же меньшинства обра-

зованных исходили изъ правильно понятыхъ хозяйственныхъ интересовъ помѣщиковъ, которые въ промышленной полосѣ, напримѣръ, согласовались съ наиболѣе либеральными планами рѣшенія крестьянскаго вопроса (Унковскій изъ тверскомъ дворянствѣ).

Выжидательное положеніе, принятое вслѣдъ затѣмъ правительствомъ, вскорѣ разрѣшилось полученіемъ адреса нижегородскаго дворянства, въ которомъ, благодаря случайному настроенію собранія дворянъ ¹⁾ и губернатору Муравьеву, искренно сочувствовавшему новому дѣлу, было высказано „единодушное желаніе принести Его Императорскому Величеству полную готовность исполнить Его священную волю, на основаніяхъ, какія Его Величеству благоугодно будетъ указать“. Неожиданная присылка нижегородскаго адреса встрѣчена была Государемъ съ большою радостью. Послѣ полученія его Государь сталъ уже съ особеннымъ нетерпѣніемъ ждать, когда же, наконецъ, отзовется дворянство Московской губерніи. Но московское дворянство молчало, удерживаемое гр. Закревскимъ (московскимъ генералъ-губернаторомъ) и кн. Меншиковымъ (имѣвшимъ помѣстья въ Московской губерніи). Первому изъ нихъ негласно дано было, наконецъ, знать о неприличіи этого молчанія въ такой важный моментъ; тогда, 7-го января 1858 г. было подписано постановленіе, коимъ губернскій предводитель, на основаніи болѣе 500 отзывовъ, полученныхъ отъ дворянъ, уполномочивался довести до свѣдѣнія правительства о готовности московскаго дворянства содѣйствовать благимъ намѣреніямъ Августѣйшаго Монарха и просить соизволенія на открытіе комитета „для составленія правилъ, которыя комитетомъ будутъ признаны общепользными и удобными для мѣстности Московской губерніи“. Послѣдняя оговорка очень не понравилась Государю, и отвѣтъ его, послѣдовавшій 16 января, былъ прямо направленъ на нее, а тонъ свидѣтельствовалъ о неблагопріятномъ впечатлѣніи, произведенномъ запоздалымъ отзывомъ московскаго дворянства. „Московское дворянство,—сказано въ рескриптѣ,—възявъ полную готовность содѣйствовать Моимъ видамъ и намѣреніямъ, проситъ разрѣшенія приступить къ составленію по Московской губерніи проекта положенія объ устройствѣ быта своихъ крестьянъ. Признавая необходимымъ, чтобы проектъ сей былъ составленъ на тѣхъ же главныхъ началахъ, кои указаны уже Мною дворянству другихъ губерній, изъявившихъ прежде желаніе

¹⁾ Очевъ скоро оказалось, что порывъ этотъ былъ нѣсколько безсознательный, подъ влияніемъ эффектныхъ минутъ, т. к. очень скоро была послана особая депутация, которая увѣряла, что дворяне были введены въ заблужденіе.

устроить и улучшить бытъ своихъ крестьянъ... повелѣнаю". Затѣмъ перечислялись тѣ же постановленія, что излагались въ предыдущихъ рескриптахъ. Послѣ того стали поступать адреса прочихъ губерній, въ отвѣтъ на которые слѣдовали Высочайшіе рескрипты, а по полученіи послѣднихъ, постепенно, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, открывались губернскіе комитеты. Къ концу 1858 г. они были открыты во всѣхъ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ были дворянскіе выборы. Правительство предоставило себѣ весьма умѣренное участіе въ дѣлахъ комитетовъ, назначивъ въ каждый изъ нихъ лишь по два депутата изъ мѣстныхъ же помѣщиковъ, по выбору губернаторовъ. Секретный же комитетъ 8-го января 1858 г. былъ переименованъ въ „Главный комитетъ по крестьянскому дѣлу“ съ оставленіемъ прежнихъ членовъ (съ замѣною вскорѣ одного). Большинство въ комитетѣ продолжало не сочувствовать дѣлу преобразования, нѣкоторые жаловались даже Государю на Великаго Князя Константина Николаевича за рѣзкость, по ихъ понятіямъ, его сужденій. Въ то же время противники освобожденія представляли, что министерство внутреннихъ дѣлъ идетъ слишкомъ быстро впередъ, что необходимо умѣрить порывы старика Ланского, все болѣе поддающагося вліянію ближайшихъ своихъ сотрудниковъ, горячаго поборника нашего освобожденія съ землею Н. А. Милютяна и завѣдующаго дѣлами образованнаго при министерствѣ земскаго отдѣла Я. А. Соловьева. Стараніями большинства удалось достигнуть того, что въ пояснительномъ отношеніи къ рескрипту на имя петербургскаго генераль-губернатора значительно видоизмѣнены наставленія, преподанныя министромъ внутреннихъ дѣлъ виленскому генераль-губернатору Назимову. Слова: „желаніе дворянъ, въ видахъ улучшенія быта крестьянъ, освободить ихъ отъ крѣпостной зависимости“ замѣнены: „стремленіемъ дворянъ къ улучшенію и прочному устройству быта ихъ крестьянъ“; вмѣсто „проектъ положеній объ освобожденіи крѣпостного сословія“, поставлено: „проектъ положенія для помѣщичьихъ крестьянъ“. Но словами не ограничились измѣненія, внесенныя комитетомъ въ пояснительное отношеніе Ланского къ петербургскому г.-губернатору Игнатьеву; они коснулись и самого существа дѣла. По виленскому отношенію, крестьяне пріобрѣтали „права свободнаго состоянія“ по вносѣ ими, „въ продолженіе переходнаго срока“, выкупа за усадебную осѣдность, сумма коего не должна превышать цѣнности, пріобрѣтаемой ими въ собственность усадебной осѣдности, а по петербургскому: „права состоянія крестьянъ, по окончательномъ ихъ устройствѣ, и право собственности на усадьбу пріобрѣтается не иначе, какъ съ уплатой владѣльцу выкупа въ продолженіе опредѣленнаго срока“.

при чемъ размѣръ выкупа опредѣляется оцѣнкой не одной усадебной земли и строеній, но, сверхъ того, „промысловыхъ выгодъ и мѣстныхъ удобствъ“. Значительныя измѣненія были предложены также по вопросамъ о раздѣлѣ земли на господскую и крестьянскую, о размѣрѣ крестьянскаго надѣла, о повинностяхъ крестьянъ, объ общинномъ владѣнїи землею и т. п.

Главный комитетъ призналъ въ это время необходимымъ дать положительную программу преобразованій для занятій въ губернскихъ комитетахъ, гдѣ, благодаря различію общественнаго положенія, образованія и интересовъ въ связи съ различіями мѣстныхъ условій, стала завязываться страстная борьба. Составленіе программы ранѣе было поручено министру внутреннихъ дѣлъ по соглашенію съ министромъ государственныхъ имуществъ. Такой проектъ и былъ составленъ еще въ бытность Левшина товарищемъ министра подъ именемъ „плана работъ, предстоящихъ дворянскимъ губернскимъ комитетамъ“. Но проектъ этотъ одобренъ не былъ, и составленіе новой программы было поручено члену комитета генералъ-адъютанту Я. И. Ростовцеву, впервые дѣятельно выступившему въ крестьянскомъ вопросѣ и поставленному Государемъ вскорѣ во главѣ всего дѣла. Планъ Ростовцева, выработанный съ помощью полтавскаго помѣщика Позева и обсужденный совмѣстно съ М. Н. Муравьевымъ (виленскимъ, въ то время министромъ государственныхъ имуществъ) и Ланскимъ, былъ внесенъ, послѣ нѣкоторыхъ возраженій Ланского, въ главный комитетъ и здѣсь утвержденъ въ присутствїи Государя. За симъ программа была разослана по Высочайшему повелѣнїю въ руководство губернскимъ комитетамъ. По ней занятія комитетовъ дѣлились на три періода: составленіе положеній; введеніе ихъ въ дѣйствіе; начертаніе сельскаго устава. Для окончанія работъ перваго періода опредѣлялся шестимѣсячный срокъ, въ продолженіе котораго должно было быть составлено „Положеніе объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ“ каждой губерніи, обнимающее нижеслѣдующіе предметы по однообразной для всѣхъ комитетовъ формѣ: 1) переходъ крестьянъ изъ крѣпостнаго состоянія въ срочно-обязательное; 2) сущность срочно-обязательнаго положенія; 3) повелѣныя права помѣщиковъ; 4) усадебное устройство крестьянъ; 5) надѣлъ крестьянъ землею; 6) повинности крестьянъ; 7) устройство дворовыхъ людей; 8) образованіе крестьянскихъ обществъ; 9) права и отношенія помѣщиковъ; 10) порядокъ и способы исполненія. Большая часть этихъ вопросовъ были уже предрѣшены въ программѣ, что среди членовъ губернскихъ комитетовъ встрѣтило во многихъ мѣстахъ враждебное отношеніе, тѣмъ болѣе, что они

не могли уже признавать ее для себя не обязательной, такъ какъ она разослана была имъ въ руководство по Высочайшему повелѣнію. Нужно замѣтить, что предложенія, преподанныя въ ростовцевской программѣ, были направлены въ сторону, благоприятную для помѣщиковъ. Ростовцевъ, не будучи въ то время достаточно знакомъ съ крестьянскимъ вопросомъ, придерживался взглядовъ большинства своихъ сочленовъ по Главному Комитету, не сочувствовавшего предстоявшей реформѣ и всячески ее замедлявшаго и ослаблявшаго. Въ разосланныхъ по губерніямъ Высочайшихъ рескриптахъ упоминалось лишь о предоставленіи помѣщикамъ вотчинной полиціи, а въ пояснительномъ отношеніи министра внутреннихъ дѣлъ основное это начало развивалось слѣдующимъ образомъ: „Крестьяне должны быть раздѣлены на мірскія общества, а завѣдываніе мірскими дѣлами и мірская расправа предоставляется мірскимъ сходамъ, составленнымъ изъ крестьянъ, и мірскимъ судамъ, подъ наблюденіемъ и утвержденіемъ помѣщиковъ“. Въ программѣ же Ростовцева о мірскомъ обществѣ (названное сельскимъ) говорится, что оно должно быть составлено изъ крестьянъ одного имѣнія, съ помѣщикомъ, въ качествѣ „начальника общества“, во главѣ; о мірскихъ же сходахъ и судахъ вовсе не упоминается. Въ этомъ званіи помѣщику присвоивались обширныя права: по сельскому благоустройству и порядку; по внутреннему управленію; по разбору взаимныхъ жалобъ и споровъ между крестьянами; по отправленію крестьянами повинностей и по надзору за правильнымъ употребленіемъ общественныхъ капиталовъ, денежныхъ и имущественныхъ. Право собственности крестьянъ на усадьбы замѣнилось наследственнымъ пользованіемъ, а вмѣсто упомянутого въ рескриптахъ „надлежащаго для обезпеченія быта крестьянъ количества земли“ губернскіе комитеты обязывались лишь опредѣлять „наименьшій размѣръ надѣла“. Самъ Ростовцевъ находилъ свою программу благотвельною для крестьянъ и удобною для комитетовъ и сводилъ ее къ двумъ слѣдующимъ главнымъ положеніямъ: 1) крестьянинъ дѣлается лично свободнымъ немедленно по утвержденіи положеній, не ожидая, какъ предполагалось прежде, выкупа своей усадьбы, что отсрочило бы по его мнѣнію освобожденіе на долгое время; 2) крестьянину предоставлено право безсрочнаго пользованія усадьбой; выкупъ же ея предоставленъ ему въ право, а не въ обязанность, и на неопредѣленный срокъ. Позднѣе Ростовцевъ самъ ясно увидѣлъ недостатки этой программы, когда постановленія цѣлаго ряда губернскихъ комитетовъ показали, какое употребленіе могли изъ нея сдѣлать лица, желавшія обезземелить крестьянъ.

Одновременно состоялось распоряженіе, ограничившее гласное обсужденіе въ печати крестьянскаго вопроса и способъ его разрѣшенія.

Еще до обнародованія ноябрьскихъ рескриптовъ 1857 г., лѣтомъ того же года въ литературѣ стало замѣтно оживленіе, перешедшее скоро въ горячее и крайне полезное участіе въ крестьянскомъ вопросѣ. Объ освобожденіи крѣпостныхъ говорить еще запрещалось, а потому въ печати поднимались другіе важные вопросы, относящіеся къ крестьянскому быту. На первый планъ выдвинулся вопросъ о личномъ и общинномъ землевладѣніи. Первое отстаивалъ „Экономическій Указатель“, во имя началъ, выработанныхъ политическою экономіей на Западѣ; въ пользу второго высказывались воѣ прочіе журналы, хотя съ различныхъ точекъ зрѣнія. „Современникъ“ признавалъ въ немъ отраженіе западной коммунъ; органъ славянофиловъ, „Русская Весѣда“, рассматривалъ его какъ коренное, историческое начало славянскаго быта. Этотъ журналъ завелъ отдѣльное ежемѣсячное приложеніе, подъ названіемъ „Сельское благоустройство“, спеціально посвященное крестьянскому вопросу, въ которомъ горячо боролись за общину и освобожденіе съ землею—Кошелевъ, Самаринъ, князь Черкасскій (они были и членами губернскихъ комитетовъ); издаваемый Катковымъ „Русскій Вѣстникъ“ также открылъ особый отдѣлъ для статей этого рода и имѣлъ въ числѣ своихъ сотрудниковъ Я. А. Соловьева, незадолго передъ тѣмъ назначеннаго въ земскій отдѣлъ мин. внутр. дѣлъ. Защитники дворянскихъ интересовъ завели свой журналъ „Землевладелецъ“. Цензура нѣкоторое время давала возможность высказываться этимъ разнообразнымъ взглядамъ, и надо признать большимъ счастьемъ, что въ работахъ надъ преобразованиемъ крестьянскаго быта было дано, хотя и не надолго, участіе общественному элементу, благодаря чему свѣтлыя мысли, преслѣдовавшіяся въ литературѣ, все-таки могли найти себѣ выраженіе въ губернскихъ комитетахъ, а потомъ въ редакціонныхъ комиссіяхъ. Появившаяся въ 1858 г. въ апрѣльской книжкѣ „Современника“ статья К. Д. Кавелина „О новыхъ условіяхъ сельскаго быта“ произвела большой переполохъ. Статья поднимала вопросъ о полномъ освобожденіи крестьянъ отъ судебной и полицейской власти помѣщиковъ, о надѣлѣ крестьянъ полевой землею и о вознагражденіи помѣщика путемъ выкупа въ такое еще время, когда въ правительственныхъ кругахъ не была достаточно подготовлена почва для постановки дѣла на этомъ болѣе широкомъ основаніи. Статья Кавелина рассматривалась въ Главномъ Комитетѣ и была признана вредною и опасною. Пропустившему ее въ печати попечителю Петербургскаго

учебнаго округа князю Щербатову сдѣланъ выговоръ; Кавелинъ отставленъ отъ должности преподавателя Наслѣднику русскаго права, а министръ народнаго просвѣщенія Ковалевскій приглашенъ сдѣлать по цензурному вѣдомству распоряженіе о недопущеніи въ печати статей, подобныхъ статьѣ Кавелина, основная мысль которой, по мнѣнію Комитета, состоитъ въ томъ, „что помѣщичьи крестьяне должны, вопреки главнымъ началамъ, установленнымъ Высочайшими рескриптами касательно устройства быта крестьянъ, при освобожденіи ихъ изъ крѣпостнаго состоянія, получить въ полную собственность землю, которою они нынѣ пользуются“. Новая цензурная распоряженія имѣли послѣдствіемъ почти полное прекращеніе дальнѣйшаго обсужденія крестьянскаго вопроса въ печати.

Начавшаяся между тѣмъ въ губерскихъ комитетахъ борьба завязывалась главнымъ образомъ около слѣдующихъ коренныхъ вопросовъ: о выкупѣ и оцѣнкѣ усадебъ, о надѣленіи крестьянъ землею и о сохраненіи вотчинной власти помѣщиковъ; съ вопросомъ о выкупѣ усадебной осѣлости былъ тѣсно связанъ другой вопросъ—о выкупѣ личности.

Не останавливаясь на подробностяхъ этихъ историческихъ событій, когда послѣ долгихъ промежутковъ столкнулись лицомъ къ лицу представители разныхъ образованій, убѣжденій и интересовъ, отмѣтимъ, что труды губерскихъ комитетовъ, поступивъ въ Петербургъ въ открытыя 4 марта 1859 г. при Главномъ Комитетѣ редакціонныя комиссіи, подверглись существеннымъ измѣненіямъ и получили значеніе лишь матеріаловъ, а разнообразныя пожеланія дворянскихъ обществъ, выраженные въ ихъ планахъ, оказали очень мало вліянія на намѣренія центральныхъ органовъ преобразования. Нѣкоторые изъ этихъ плановъ (напр. выдающійся проектъ тверскаго предводителя дворянства А. И. Унковскаго) считались слишкомъ радикальными, другіе крѣпостническими. Но какъ страниця изъ исторіи общественныхъ настроеній работы губерскихъ комитетовъ представляютъ большой интересъ.

Лѣтомъ 1858 г. Ростовцевъ, выдвинутый на первое мѣсто довѣріемъ къ нему Императора, отправился въ четырехмѣсячный отпускъ за границу, чтобы тамъ безъ помѣхи выкинуть въ дѣло, къ которому его призвали, и подготовить себя къ успешному его разрѣшенію.

Осенью того же года Государь предпринялъ путешествіе по Россіи, что дало дѣлу сильный толчекъ, послуживъ поводомъ къ гласному выраженію Его воли и обнаруживъ окончательное рѣшеніе освободить крѣпостныхъ крестьянъ. Самъ Императоръ вынесъ изъ

поѣздки волюнѣ благоприятныя впечатлѣнія, найдя, что въ дворянской средѣ нельзя будетъ встрѣтить упорнаго противодѣйствія и что петербургскіе разговоры о предстоящихъ народныхъ волненіяхъ не имѣютъ подѣ собой никакой почвы

Вернувшись въ Петербургъ, Александръ Николаевичъ при первомъ своемъ свиданіи съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, сказалъ ему: „Мы съ вами начали крестьянское дѣло и пойдемъ до конца, рука объ руку“. Ростовцевъ, занимаясь за границей изученіемъ крестьянскаго дѣла, съ разрѣшенія Государя, изложилъ свои новыя мысли въ письмахъ къ Нему, и онѣ такъ понравились Государю, что Онъ послѣ того волюнѣ сталъ ему довѣрять и по его возвращеніи, пригласивъ вмѣстѣ съ Ланскимъ въ Гатчину, гдѣ тогда былъ Дворъ, на совѣщаніе, рѣшилъ главнѣйшія изъ его предположеній провести въ главномъ Комитетѣ въ Своемъ присутствіи.

Разсмотрѣнію предположеній Ростовцова Комитетъ посвятилъ четыре засѣданія, происходившія въ октябрѣ и ноябрѣ, подѣ личнымъ предсѣдательствомъ Государя. Здѣсь были заново установлены „тѣ главныя основанія, которыми должны руководствоваться“ Главный Комитетъ и учрежденная при немъ особая коммиссія при разсмотрѣніи губернскихъ проектовъ. Новые принципы, принятые теперь Главнымъ Комитетомъ, шли довольно дальше того, что признавалось допустимымъ въ рескриптахъ и сопровождавшихъ ихъ министерскихъ циркулярахъ; дворянскіе интересы должны были нѣсколько уступить крестьянскимъ. Рескрипты связывали освобожденіе съ выкупомъ усадьбы, подѣ которымъ, по мысли Левшина, во многихъ губернскихъ комитетахъ подразумѣвался выкупъ личности и дворяне въ промышленныхъ нечерноземныхъ, а отчасти и въ нѣкоторыхъ черноземныхъ губерніяхъ продолжали считать вопросъ о денежномъ вознагражденіи за утрату дохода отъ крѣпостного труда однимъ изъ главныхъ попросовъ ликвидаціи крѣпостныхъ отношеній. Открыто допустить выкупъ личности крѣпостного человѣка правительство еще тогда признавало неудобнымъ, несправедливымъ и неприличнымъ.

Но все же только заплативъ за себя барину въ той или иной формѣ, крестьянина пріобрѣталъ, по рескриптамъ, право свободного человѣка. Журналь 4 декабря 1858 года (подводившій итоги трехъ поминутыхъ засѣданій Главнаго Комитета) постановилъ, что „право свободныхъ сословіи, лично, по имуществу и по праву жалобъ“ крестьяне получаютъ немедленно по обнародованіи новаго положенія, — безъ какихъ-либо дополнительныхъ условій. Рескрипты оставляли вотчинную полицейскую власть за помѣщиками: по журналу 4 декабря „власть надъ личностью крестьянина... сосредото-

живается въ мирѣ и его избранныхъ... помѣщикъ долженъ имѣть дѣло только съ миромъ, не касаясь личностей". И наконецъ, рескрипты отдавали земли крестьянамъ только въ пользованіе; этого принципа министерство внутреннихъ дѣлъ держалось сначала такъ твердо, что запрещало дворянскимъ комитетамъ даже разсужденія о выкупѣ земли крестьянами въ собственность: теперь журналъ 4 декабря постановлялъ, что „необходимо стараться, чтобы крестьяне постепенно дѣлались земельными собственниками. Для этого слѣдуетъ: а) сообразить, какіе именно способы могутъ быть предоставлены со стороны правительства для содѣйствія крестьянамъ къ выкупу поземельныхъ угодій"... Таковы были результаты заграничныхъ занятій Ростовцева и гатчинскихъ совѣщаній Государя съ нимъ и Ланскимъ.

Когда съ конца 1858 г. стали поступать въ министерство внутреннихъ дѣлъ проекты губернскихъ комитетовъ, то по разсмотрѣніи ихъ въ земскомъ отдѣлѣ они были переданы въ особія комиссіи при Главномъ Комитетѣ, въ которомъ разборъ ихъ ваялъ на себя Ростовцевъ. Скоро обнаружилось что эта комиссія („четырехъ“ какъ ее иногда называютъ), благодаря малому числу членовъ, а еще болѣе, благодаря двумъ изъ нихъ—Панину и М. Н. Муравьеву, затигивавшимъ дѣло, неспособна къ исполненію возложенныхъ на нее обязанностей. Тогда Ланскимъ было предложено учредить при министерствѣ двѣ спеціальныя комиссіи, одну для разсмотрѣнія общей для всѣхъ губерній части крестьянскихъ положеній, другую для второй части, по разнымъ мѣстностямъ и полосамъ; Ростовцевъ сверхъ того предлагалъ учрежденіе третьей комиссіи—финансовой—для составленія положенія о выкупѣ. Особая комиссія при Главномъ Комитетѣ одобрила предположенія и представила на Высочайшее усмотрѣніе заключеніе свое объ учрежденіи двухъ комиссій, съ наименованіемъ ихъ редакціонными, и съ тѣмъ, чтобы первую, для составленія общихъ положеній, образовать изъ членовъ, назначенныхъ отъ министерствъ внутреннихъ дѣлъ, юстиціи, государственныхъ имуществъ и II отдѣленія Собственной Его Величества канцеляріи, а вторую, для мѣстныхъ положеній—изъ представителей министерствъ внутреннихъ дѣлъ и гос. им., а равно изъ „экспертовъ“, избранныхъ предсѣдателемъ обѣихъ комиссій изъ членовъ губернскихъ комитетовъ или другихъ опытныхъ помѣщиковъ, по его ближайшему усмотрѣнію, Государь, утвердивъ это предположеніе, назначилъ предсѣдателемъ редакціонныхъ комиссій Ростовцева.

Члены редакціонныхъ комиссій, такимъ образомъ, раздѣлялись на двѣ категоріи; одна состояла изъ чиновниковъ, командированныхъ разными вѣдомствами; другую составили „эксперты“, т. е. депутаты, изъ помѣщиковъ, по выбору предсѣдателя. Талантливейшимъ

изъ чиновниковъ былъ Николай Милютинъ, ближайшій, какъ уже было сказано, сотрудникъ Ланского, на назначеніе котораго, товарищемъ министра послѣ отставки Левшина, Государь долго не соглашался, т. к. при Дворѣ ходили слухи, что Милютинъ слыветъ „краснымъ“, противникомъ дворянства, поборникомъ исключительныхъ интересовъ крестьянъ. Въ концѣ концовъ Милютинъ былъ утвержденъ „временно“ исправляющимъ должность товарища министра и оставался таковымъ до ухода, такъ что въ шутку его называли „постояннымъ временнымъ“.

Принимая Н. А. по случаю его назначенія, Государь сказалъ, что въ обществѣ его считаютъ едва-ли не за революціонера и что, соглашаясь на его назначеніе, Онъ желалъ дать ему возможность оправдаться въ этомъ нареканіи (*se réhabiliter*). Милютинъ дѣйствительно принадлежалъ къ кружку молодыхъ чиновниковъ болѣе передового направленія и по своему служебному положенію, по неограниченному довѣрію, которое питалъ къ нему старикъ Ланской, имѣлъ возможность воздѣйствовать въ духѣ своихъ убѣжденій на ходъ и развитіе крестьянскаго дѣла, чѣмъ и возбудилъ противъ себя вліятельныхъ придворныхъ противниковъ преобразования. Зато Великая Княгиня Елена Павловна выражала ему живое сочувствіе и оказывала дѣятельное покровительство, нерѣдко заступаясь за него предъ Государемъ.

Ростовцевъ, назначенный предсѣдателемъ редакціонныхъ комиссій, обратился къ Милютину съ просьбой указать ему на тѣхъ лицъ, которыхъ надлежало пригласить въ комиссію въ качествѣ „экспертовъ“, и выборъ послѣднихъ, естественно, остановился на его единомышленникахъ, членахъ меньшинства губернскихъ комитетовъ, по болѣшей части, не избранныхъ въ составъ ихъ дворянами, а назначенныхъ отъ правительства. Благодаря этому многіе члены редакціонныхъ комиссій оказались защитниками освобожденія крестьянъ съ землей. Къ числу таковыхъ принадлежали Самаринъ, кн. Черкасскій, Татаринъ, Галаганъ и др. Но не были приглашены такіе выдающіеся дѣятели, какъ Унковскій и Головачевъ—тверскаго комитета и рязанскаго—Кошелевъ. Первые два были рѣшительными сторонниками обязательнаго выкупа. По ихъ проекту крестьяне выкупали свои надѣлы сразу, цѣлымъ обществомъ, при чемъ помѣщикъ единовременно получалъ всю сумму выкупа.

Для субсидированія крестьянъ предполагалось учрежденіе особаго акціонернаго общества, которому правительство гарантировало уплату крестьянами ссуды въ теченіе 42 лѣтъ. Помѣщикъ получалъ часть выкупной суммы наличными и часть облигаціями, приписанными $4\frac{1}{2}\%$ въ годъ („выкупными свидѣтельствами“, какъ они

назывались впоследствии). Тверской проект был, в конце концов, принят правительством. Характерно, что Унковский в качестве представителя нечерноземной, оброчной губернии признавал, что выкупъ земли есть только маска: „справедливость требует“, — писалъ онъ, — „чтобы помѣщики были вознаграждены, какъ за землю, отходящую изъ ихъ владѣнія, такъ и за самихъ освобожденныхъ крестьянъ“ (т. е. признавалъ выкупъ личности). Въ выкупѣ барщины Унковский видѣлъ „единственное вѣрное средство освободить крестьянъ не словомъ, а дѣломъ, не постепенно, а разомъ, одновременно и повсемѣстно, не нарушивъ ничьихъ интересовъ, не порождая ни съ какой стороны неудовольствій и не рискуя будущимъ Россіи“...

Его, считавшійся наиболѣе либеральнымъ, планъ рѣшенія крестьянскаго вопроса совпадалъ съ правильно понятымъ хозяйственнымъ интересомъ мѣстнаго помѣщичества. Кошелевъ, а также и Кавелинъ не были приглашены на тѣхъ же основаніяхъ, что и Унковский—изъ опасенія излишняго радикализма, а точнѣе независимости ихъ мнѣній. Въ этомъ Н. А. Милютинъ, конечно, погрѣшилъ, указывая Ростовцеву лишь на тѣхъ лицъ, которыя слишкомъ близко подходили къ характеру его убѣжденій.

Въ составъ членовъ редакціонныхъ комиссій, само собою понятно, пошло значительное число представителей противоположнаго направленія, т. е. сторонниковъ освобожденія крестьянъ безъ земли, изъ коихъ наиболѣе видными были князь Паскевичъ, сынъ извѣстнаго фельдмаршала, и графъ Шуваловъ, петербургскій губернскій предводитель дворянства, крупные землевладѣльцы. Главное руководство трудами комиссій досталось на долю Милютина, какъ по званію его товарища министра внутреннихъ дѣлъ, такъ и по выдающимся способностямъ, трудолюбію, знанію дѣла, рѣшимости и энергіи, а также вслѣдствіе того обаянія, которое Н. А. пробудилъ на большую часть своихъ сочленовъ, не исключая самого Ростовцева, называвшаго его въ шутивомъ дружескомъ тово: „наша Эгерія“.

Какъ въ Высочайшемъ повелѣніи, такъ и въ указѣ Сената объ учрежденіи редакціонныхъ комиссій, Ростовцевъ былъ названъ ихъ „предсѣдателемъ и непосредственнымъ начальникомъ“. Хотя этими распоряженіями и устанавливалось двѣ комиссіи—одна для составленія общаго, другая—мѣстныхъ положеній, но предсѣдателю предоставлялось право дать имъ внутреннее устройство и образованіе по его ближайшему усмотрѣнію, соотвѣтственно пользѣ и важности порученнаго комиссіямъ дѣла, а потому Ростовцевъ слилъ обѣ комиссіи (въ одно общее присутствіе, а членовъ распредѣлилъ по

тремъ отдѣленіямъ: административному, хозяйственному и юридическому, къ которымъ присоединена впоследствии въ видѣ четвертаго отдѣленія, образованная нѣсколько позже, финансовая коммиссія для изысканія мѣръ къ производству выкупа крестьянскихъ надѣловъ. Дѣлопроизводителемъ редакціонныхъ коммиссій Ростовцевъ назначилъ П. П. Семенова.

Открытіе общаго присутствія ред. ком. состоялось въ большой залѣ 1-го Кадетскаго корпуса, 4-го марта 1859 г. 6-го марта всѣ находившіеся въ Петербургѣ члены коммиссій были представлены предсѣдателемъ Государю, въ Зимнемъ Дворцѣ. Прежде чѣмъ отправиться туда, они явились къ предсѣдателю Главнаго Комитета князю Орлову, который, какъ и большинство этого комитета, являлся выразителемъ настроенія высшаго общества, неодобрительно относившагося къ предстоящей реформѣ. Онъ принялъ чиновъ ред. ком. весьма сухо и сказалъ слѣдующее: „Господа, на васъ лежитъ трудная обязанность распутать дѣло сложное и запутанное. Такъ уже сдѣлалось; пойти назадъ невозможно. Вы должны идти по тому направленію, которое дано ему. Вамъ остается исполнить то, что вамъ указано; а что вы не такъ сдѣлаете, мы поправимъ. И такъ, дай Богъ вамъ успѣха“. Какъ впоследствии оказалось, на эту поправку Главный Комитетъ весьма рассчитывалъ. Государь, принимая членовъ коммиссій, назвалъ порученное имъ дѣло „щекотавымъ“, а самую работу коммиссій „трудною“ и выразилъ надежду, что они исполнятъ все добросовѣстно и оправдаютъ его довѣріе, и что это дѣло приведетъ къ благополучному окончанію.

Въ первыхъ засѣданіяхъ общаго присутствія редакціонныхъ коммиссій Ростовцевъ изложилъ программу его занятій, предложивъ ему, при начертаніи положеній, руководствоваться извлеченіями изъ его всеподданнѣйшихъ писемъ и его же запискою „Ходъ и исходъ крестьянскаго вопроса“ съ дополненіемъ къ ней, на которомъ Государь собственноручно подписалъ: „Главныя основанія совершенно согласны съ моими мыслями“. Сущность предложеній предсѣдателя сводилась къ слѣдующимъ основнымъ началамъ: 1) освободить крестьянъ съ землею, 2) конечною развязкою освобожденія считать выкупъ крестьянами ихъ надѣловъ у помещиковъ, 3) оказать содѣйствіе дѣлу выкупа посредничествомъ, кредитомъ, или финансовыми операціями правительства, 4) избѣгнуть по возможности регламентаціи срочно-обязаннаго періода или сократить переходное состояніе, 5) барщину уничтожить законодательнымъ порядкомъ черезъ три года, переводомъ крестьянъ на оброкъ, за исключеніемъ только тѣхъ, которые сами того не пожелаютъ,

б) дать самоуправленіе освобожденнымъ крестьянамъ въ ихъ сельскомъ быту.

Ростовцевъ , тщательно доводилъ до свѣдѣнія Государя о ходѣ занятій въ комиссіяхъ, представляя всѣ журналы ихъ засѣданій и главнѣйшіе изъ докладовъ отдѣленій. Государь, читая ихъ съ живымъ интересомъ, неоднократно выражалъ одобреніе свое надписями на поляхъ. Весьма скоро въ комиссіи начался сильный споръ между большинствомъ и упомянутыми двумя членами, гр. Шуваловымъ и кн. Паскевичемъ. Какъ только Ростовцевъ заговорилъ о выкупѣ, то немедленно вызвалъ горячія возраженія со стороны этихъ своихъ аристократическихъ сочленовъ. Оба въ одинъ голосъ доказывали, что выкупъ земли есть частная сдѣлка между помѣщикомъ и его бывшими крѣпостными, сдѣлка совершенно добровольная, которая можетъ состояться, и можетъ и не состояться. Государственную мѣру, какой является отмѣна крѣпостного права, нельзя ставить въ зависимость отъ „всякихъ полюбивныхъ сдѣлокъ“. Введеніе же обязательнаго выкупа есть, по ихъ мнѣнію, „нарушеніе предоставляемой крестьянамъ свободы“: „ибо неестественно заставлять свободнаго человѣка пріобрѣтать, вопреки его воли, поземельную собственность“.

Не вдаваясь въ подробности этой борьбы, отмѣтимъ, что Государь сталъ на точку зрѣнія Ростовцева и большинства редакціонныхъ комиссій на окончательное разрѣшеніе крестьянскаго вопроса. Ораторы большинства, Милютинъ, Соловьевъ, князь Черкасскій, возражая упомянутымъ двумъ членамъ, говорили, что освобожденіе крестьянъ безъ обезпеченія ихъ земельными надѣлами, которые, съ согласія помѣщиковъ, могли бы переходить къ крестьянамъ путемъ организованнаго правительствомъ выкупа, было бы только номинальнымъ освобожденіемъ, „птичьей свободой“, какъ выразился въ своихъ объяснительныхъ запискахъ къ Государю Ростовцевъ ¹⁾, а въ сущности—оставленіемъ ихъ въ полной экономической зависимости отъ помѣщиковъ, въ вѣчно обязательныхъ къ нимъ отношеніяхъ, неизбѣжныхъ, когда одно лицо пользуется собственностью другого, и въ административномъ имъ подчиненіи, подобно тому, какъ въ прибалтійскихъ и привислянскихъ губерніяхъ. Члены большинства полагали, что правильная организація выкупа установленнаго на долгіе сроки неизмѣнныхъ повинностей можетъ одна только положить предѣлъ неудобному и могущему породить рядъ непрерывныхъ столкновеній переходному положенію, которое сопряжено съ продолженіемъ тяжелой для крестьянъ барщины и сложнаго

¹⁾ Освобожденіе безъ земли народъ называлъ „волчьей волей“.

урочнаго положенія, обставленнаго дисциплинарными высказаніями, и есть въ сущности продолженіе крѣпостнаго права въ скрытой формѣ. Не подлежитъ сомнѣнію, что Шуваловъ и Паскевичъ именно этого и добивались. Къ изложеннымъ соображеніямъ нѣкоторые члены „эксперты“ присоединяли другія, высказываясь за организованную правительствомъ выкупную операцію и за рѣшительное окончаніе обязательныхъ отношеній, дабы устроить помѣщичье хозяйство на новыхъ началахъ, при помощи тѣхъ оборотныхъ капиталовъ, которые дастъ дворянству организованный правительствомъ выкупъ (взглядъ, какъ мы знаемъ, Унковскаго). Пренія, конечно, не привели къ какимъ-либо соглашеніямъ. Паскевичъ обратился къ Государю съ письмомъ, вызвавшимъ слѣдующія замѣчанія на поляхъ.

Противъ утвержденія, что правительство во что бы то ни стало хочетъ сдѣлать изъ крестьянъ поземельныхъ собственниковъ, Государь написалъ, что это—„существенное условіе“, отъ котораго Онъ „ни подъ какимъ видомъ не отойдетъ“; противъ мѣста, гдѣ говорилось о предоставленіи крестьянамъ права отказа отъ земли: „и тогда помѣщики будутъ сгонять ихъ съ земли и пустятъ ходить по міру“; противъ замѣчанія, что предположенія редакціонныхъ комиссій могутъ быть введены только силой: „да, если дворянство будетъ продолжать упорствовать“; противъ предложенія даровать полную личную свободу, не далѣе какъ черезъ три года: „съ перваго дня по изданіи положенія“; противъ заключительнаго увѣренія автора письма въ добросовѣстности его убѣжденія: „вѣрю, но сожалею о неправильности взгляда“. По сравненію съ прежнимъ воззрѣніемъ Государя значительно измѣнились вслѣдствіе знакомства съ большимъ числомъ разнородныхъ общественныхъ взглядовъ.

Съ окончаніемъ къ концу іюля 1859 г. губерскими комитетами своихъ занятій депутаты отъ нихъ были вызваны въ Петербургъ, при чемъ они были раздѣлены на двѣ смѣны: депутаты отъ 21 губерній вызваны къ концу августа; представители прочихъ губерній должны были послѣдовать за ними нѣсколько мѣсяцевъ спустя, уже по оставленіи столицы членами перваго призыва. Такъ какъ мнѣніи изъ губернскихъ комитетахъ настолько разошлись, что едва-ли не каждый комитетъ представилъ въ министерство по два проекта: одинъ отъ большинства, другой отъ меньшинства, то Ланской, не сочувствуя направленію первыхъ, озаботился, чтобы изъ вызванныхъ въ Петербургъ депутатовъ, по два отъ комитета, одинъ былъ отъ большинства, другой отъ меньшинства. Но чтобы еще болѣе устранить уже обнаружившійся коренной разладъ между членами редакц. ком. и губернск. комит., онъ представилъ Государю записку,

въ которой излагалъ, что „комитетскія положенія не рѣшаютъ крестьянскаго вопроса, а знакомятъ только съ тѣмъ, какъ смотреть на него большинство дворянства“ и что это „большинство“ почти вездѣ не оправдало ожиданій правительства. Намекая на желанія различныхъ дворянскихъ партій добиваться „измѣненія въ государственномъ устройствѣ“, онъ достигъ своей цѣли—отдалить депутатовъ губернскихъ комитетовъ отъ непосредственнаго участія въ рѣшеніи крестьянскаго дѣла. Этимъ стремленіемъ Ланского и Милюткина объясняется и раздѣленіе комитетовъ на двѣ очереди и приглашеніе большинства и меньшинства въ равномъ количествѣ и, наконецъ, Высочайшее утвержденіе инструкціи, опредѣлившей кругъ и предѣлы дѣятельности депутатовъ, въ которой подчеркивалось, что они должны дать „мѣстныя свѣдѣнія“, „мѣстныя данныя и соображенія, какія еще окажутся необходимыми при дальнѣйшемъ ходѣ работъ“. Затѣмъ говорилось, что „такъ какъ сущность работы вызванныхъ членовъ заключается, по Высочайшему указанію, собственно въ примѣненіи общихъ правилъ по особенностямъ каждой губерніи, то каждый членъ представляетъ особый, по своей губерніи, письменный отвѣтъ на каждый вопросъ отдѣльно, или члены одной губерніи даютъ отвѣты за общимъ подписаніемъ“... Наконецъ, устранялось ихъ прежнее названіе: депутаты и замѣнялось другимъ—члены, избранные губернскими комитетами. Для того, чтобы оцѣнить возникшее неудовольствіе депутатовъ, слѣдуетъ вернуться къ лѣтней поѣздкѣ Государя 1858 г., когда открылись засѣданія первыхъ губ. ком., и Государь лично посѣтилъ тѣ губерніи, въ которыхъ они уже дѣйствовали. Въ рѣчи тверскому дворянству (и впоследствии костромскому) Государь сказалъ, между прочимъ: „когда ваши занятія кончатся, тогда положенія комитета поступятъ черезъ министровъ на Мое утвержденіе. Я уже приказалъ сдѣлать распоряженіе, чтобы изъ нашихъ же членовъ было избрано двое депутатовъ для присутствія и общаго обсужденія въ Петербургѣ при разсмотрѣніи положеній всѣхъ губерній въ главномъ комитетѣ“... Это заявленіе Государя произвело тогда на всѣ комитеты огромное впечатлѣніе, и дворяне повсемѣстно были увѣрены, что ихъ выборные представители будутъ допущены къ участію въ окончательномъ рѣшеніи въ главномъ комитетѣ. Когда Государь выразилъ это намѣреніе тверскому дворянству, редакціонныя комиссіи не существовали даже въ проектѣ, и потому естественно, что мѣстомъ окончательнаго обсужденія реформы и составленія общаго Положенія и Государю, и членамъ губернскихъ комитетовъ представлялся главный комитетъ. Но прежде чѣмъ губернскіе комитеты закончили свои занятія, многое измѣнилось во взглядахъ и въ отношеніи къ нимъ высшаго

правительства, которое въ это время успѣло составить себѣ окончательный планъ реформы, не исполнѣ, какъ мы видѣли, согласный съ рескриптами и съ программой, данной губернскимъ комитетамъ. Въ то же время довѣріе правительства къ трудамъ губернскихъ комитетовъ, вслѣдствіе проявившагося въ нѣкоторыхъ изъ нихъ духа оппозиціи, значительно поколебалось. А по прїѣздѣ въ Петербургъ имъ не дозволили даже имѣть между собою правильныя оффиціальныя совѣщанія. Депутаты собрались всѣ вмѣстѣ и сообщаясь членами комиссій только для того, чтобы выслушать отъ председателя ред. ком. упомянутую выше инструкцію. Ограниченіе ихъ дѣятельности лишь обязанностью давать письменныя разъясненія на предложенныя имъ ред. ком. вопросы и словесныя разъясненія въ засѣданіяхъ комиссій вызвало въ нихъ крайне тяжелое впечатлѣніе. „Водворилось глубокое молчаніе“. Ростовцевъ смутился, занялся лично раздачею пакетовъ съ инструкціей, но настроеніе не мѣнялось. Сказавъ нѣсколько словъ „такъ тихо, что нельзя было слышать“, онъ ушелъ изъ залы. Вскорѣ послѣ его ухода депутаты „въ непрерывной линіи, одинъ за другимъ“ также направились къ выходу. Депутаты написали совмѣстное письмо Ростовцеву съ ходатайствомъ объ изпрошеніи имъ Высочайшаго соизволенія имѣть общія совѣщанія съ тѣмъ, чтобы всѣ ихъ соображенія поступили на судъ высшаго правительства. Въ отвѣтъ на это имъ были разрѣшены лишь частныя совѣщанія, подтверждалось, чтобы они въ точности руководствовались сообщенною имъ инструкціей, не касались общихъ началъ, а ограничивались примѣненіемъ ихъ къ своимъ мѣстностямъ и мнѣнія свои представляли отдѣльно по каждой губерніи. Въ заключеніе имъ снова обѣщалось, что всѣ ихъ отвѣты, безъ исключенія, будутъ представлены на обсужденіе главнаго комитета. Государь при представленіи депутатовъ, между прочимъ, имъ сказалъ слѣдующее: „съ полнымъ довѣріемъ къ вамъ началъ Я это дѣло; съ тѣмъ же довѣріемъ призвалъ васъ сюда. Для разъясненія обязанностей вашихъ Я велѣлъ составить инструкцію, которая вамъ предъявлена. Она возбудила недоразумѣнія; надѣюсь, что они разъяснились. Я читалъ ваше письмо, представленное мнѣ Іаковомъ Ивановичемъ; отвѣтъ на него, вѣроятно, вамъ уже сообщенъ. Вы можете быть увѣрены, что ваши мнѣнія мнѣ будутъ извѣстны; тѣ, которыя будутъ согласны съ мнѣніемъ редакціонной комиссіи, войдутъ въ ея положеніе; всѣ остальные, хотя бы и несогласны съ ея мнѣніемъ, будутъ представлены въ Главный Комитетъ и дойдутъ до меня. Я знаю, вы сами убѣждены, господа, что дѣло не можетъ окончиться безъ жертвованій, но Я хочу, чтобы жертвы эти были

какъ можно менѣ чувствительны“... Но основанія для разногласія между губернскими депутатами и редакціонными комиссіями состояли не только въ размѣрѣ „пожертвованій“, очень многіе изъ помѣщиковъ все еще не хотѣли помириться съ предстоящимъ фактомъ освобожденія и заботились о тѣхъ или другихъ мѣрахъ, косвенно сохранявшихъ ихъ интересы и даже клонившихся къ болѣшимъ выгодамъ, въ ущербъ крестьянскимъ ¹⁾. Иные же въ преобразованіяхъ шли дальше намѣреній правительства и намѣчали реформы въ другихъ областяхъ. Самое существованіе редакціонныхъ комиссій было непріятно большинству дворянскихъ депутатовъ, и Ростовцевъ не безъ основанія писалъ Государю слѣдующее: „какой бы проектъ положенія редакціонныя комиссіи ни написали, хотя такой, по которому помѣщики даже ничего не теряли бы, все-таки многіе депутаты и многіе дворяне потребовали бы уступокъ“.

Четыре коренныхъ вопроса предстоящаго преобразованія были, какъ извѣстно, таковы: 1) о правѣ собственности крестьянъ на землю, 2) надѣлы и повинности, 3) выкупъ, 4) власть помѣщиковъ надъ крестьянами.

Предположенія редакціонныхъ комиссій по всѣмъ этимъ пунктамъ не удовлетворили собравшихся дворянъ. Депутаты раздѣлились на три группы. Первая, самая многочисленная, изъ 18 членовъ, представила свой адресъ, въ которомъ выразила убѣжденіе, что таковыя предположенія въ настоящемъ ихъ видѣ не соотвѣтствуютъ общимъ потребностямъ и не приводятъ въ исполненіе указанныхъ Высочайшею волею основныхъ началъ, ограничивались просьбой: доволить депутатамъ представить свои соображенія на окончательные труды комиссій, до поступленія ихъ въ Главный Комитетъ. Пять членовъ, принадлежавшіе къ передовому меньшинству, подписали второй, отдѣльный адресъ, въ которомъ подвергали еще болѣе рѣзкой критикѣ „заключенія комиссій“. Они находили, что увеличеніемъ надѣла крестьянъ землею и крайнимъ пониженіемъ повинностей въ болѣе части губерній помѣщики будутъ разорены, а быть крестьянъ вообще не будетъ улучшенъ, по той причинѣ, что хотя крестьянамъ и предоставляется самоуправленіе, но оно будетъ подавлено и уничтожено вліяніемъ чиновниковъ, и потому крестьяне только тогда почувствуютъ быть свой улучшеннымъ, когда они избавятся отъ всѣхъ обязательствъ передъ владѣльцами и когда сдѣлаются собственниками, ибо свобода личная невозможна безъ свободы имущественной. Выразивъ мнѣніе, что нѣ установленныхъ обязательныхъ отношеній между лично-свободными крестьянами и

¹⁾ Проекты.

помѣщиками, лишенными общественнаго значенія и участія въ управленіи народомъ, лежать зародыши опасной борьбы сословій, пять членовъ сущность своихъ желаній выразили въ слѣдующихъ четырехъ положеніяхъ: 1) даровать крестьянамъ полную свободу съ надѣленіемъ ихъ землею въ собственность, посредствомъ немедленнаго выкупа, по цѣнѣ и на условіяхъ не разорительныхъ для помѣщиковъ; 2) образовать хозяйственно-распорядительное управленіе, общее для всѣхъ сословій, основанное на выборномъ началѣ; 3) учредить независимую судебную власть, т. е. судъ присяжныхъ и гражданскія судебныя учрежденія, независимыя отъ административной власти, съ введеніемъ гласнаго и словеснаго дѣлопроизводства и съ подчиненіемъ мѣстныхъ должностныхъ лицъ непосредственной отвѣтственности передъ судомъ; и 4) дать возможность обществу, путемъ печатной гласности, доводить до свѣдѣнія Верховной власти недостатки и злоупотребленія мѣстнаго управленія*. Депутатъ отъ большинства симбирскаго комитета Шидловскій пошелъ еще дальше и во Всеподданнѣйшемъ письмѣ, подписанномъ имъ однимъ, убѣждалъ Государя, въ виду того, что „дворянство есть первый и самый естественный охранитель престола и отечества, созвать уполномоченныхъ отъ дворянства для окончательнаго разрѣшенія, подъ личнымъ предсѣдательствомъ Императора, предпринятаго имъ дѣла освобожденія“.

„Вотъ какія мысли бродятъ въ головѣ этихъ господъ“—написалъ Императоръ Александръ на адресѣ Шидловскаго. Особенное неудовольствіе Государя вызвала записка камергера Михаила Безобразова (не бывшаго въ составѣ депутатовъ, племянника кн. Орлова, слѣдовательно лица, принадлежащаго къ высшимъ придворнымъ кругамъ), гдѣ послѣ пространныхъ разсужденій о борьбѣ между бюрократіей и дворянствомъ первая обвинялась въ тайномъ намѣреніи ввести въ Россію конституцію по западному образцу, въ отвращеніе чего Б. предлагалъ созвать выборныхъ отъ губерній и, придавъ къ нимъ депутатовъ отъ губернскихъ комитетовъ, составить совѣщательное собраніе для обсужденія общихъ государственныхъ вопросовъ и во главѣ ихъ—крестьянскаго.

Государь испестрилъ поля записки Безобразова цѣлымъ рядомъ замѣчаній и возраженій. Тонъ записки былъ признанъ „непомѣрно наглымъ“, а общее о ней заключеніе Государя было таково: „онъ Меня вполне убѣдилъ въ желаніи подобныхъ ему учредить у насъ олигархическое правленіе“.—По Высочайшему повелѣнію, какъ адресы дворянскихъ депутатовъ, такъ и записка Безобразова разсматривались въ Главномъ Комитетѣ, постановившемъ: восемнадцати членамъ, подписавшимъ первый адресъ, сдѣлать замѣчаніе; прочимъ членамъ—внушеніе чрезъ губернаторовъ; Безобразова уда-

лить изъ Петербурга. Шидловскій былъ отдавъ подъ надзоръ полиціи ¹⁾. Опасенія Ланского, какъ видимъ, были не безъосновательны.

Агитація въ Петербургѣ депутатовъ, ихъ обвиненія на редакціонныя комиссіи, жадно подслушиваемыя и всюду повторяемыя безъ того уже враждебною редакціоннымъ комиссіямъ публикою, не могли не имѣть вліянія на воспримчивую и непривыкшую къ борьбѣ натуру Ростовцева, въ концѣ октября онъ уже не могъ председательствовать въ общихъ собраніяхъ комиссій,—а въ декабрѣ у него образовался карбункулъ—и отъ послѣдствій неудачной операціи надъ нимъ онъ умеръ 6-го февраля 1860 г. Возникъ вопросъ о замѣстителѣ. Ланской предлагалъ себя, что означало фактически передачу всего дѣла въ руки Милютина. Но выборъ палъ на Министра Юстиціи графа В. Н. Панина. Вѣсть объ этомъ произвела большую тревогу среди людей передового направленія и въ средѣ членовъ редакціонныхъ комиссій. Панинъ считался полнымъ противникомъ преобразованій. Самъ онъ увѣрялъ Вел. Князя Константина Николаевича, что у него, Панина, „есть убѣжденія, сильныя убѣжденія“. „Но“, прибавилъ онъ, „по долгу вѣрнопопданнической присяги, я считаю себя обязаннымъ прежде всего узнавать взглядъ Государя. Если я какимъ-либо путемъ, прямо или косвенно, удостою вѣрюсь, что Государь смотритъ на дѣло иначе, чѣмъ я,—я долгомъ считаю тотчасъ отступить отъ своихъ убѣжденій и дѣйствовать даже совершенно наперекоръ имъ съ тою же и даже съ большею энергіею, какъ если бы я руководствовался моими собственными убѣжденіями“. Такимъ образомъ свойства новаго председателя должны были какъ бы служить порукой за точность исполненія намѣреній Государя. При назначеніи Панина была выражена воля Государя, чтобы ничего не было измѣнено въ образѣ дѣйствій комиссій и чтобы предсмертная записка Ростовцева (составленная послѣднимъ для Государя) служила имъ наставленіемъ. „Помните все, что вы Миѣ говорили“, сказалъ Александръ II Панину по этому поводу, „на выраженныхъ условіяхъ только вѣряю Я вамъ это дѣло. Ведите все такъ, какъ было. Я всегда считалъ васъ честнымъ человекомъ, и Миѣ въ голову никогда не приходило, чтобы вы могли Меня обмануть“.

Мы уже говорили выше объ основныхъ началахъ преобразованія, которыми руководилось большинство членовъ редакціонныхъ комиссій (согласно запискѣ Ростовцева—„Ходъ и исходъ крестьянскаго вопроса“), а также о тѣхъ спорахъ, какіе вызвалъ вопросъ о вы-

¹⁾ А также и Улковскій за отзывъ о работахъ редакціонныхъ комиссій.

купѣ въ связи съ общимъ вопросомъ о необходимости сдѣлать крестьянъ поземельными собственниками; слѣдуетъ еще сказать о тѣхъ заключеніяхъ редакц. ком., которая касалась остальныхъ началъ предстоящей реформы, т. е. о размѣрѣ надѣловъ и повинностяхъ и о власти помѣщиковъ надъ крестьянами. Докладъ объ основаніяхъ и размѣрѣ надѣла былъ порученъ кн. В. А. Черкасскому. Его исходной точкой была та мысль, что „главная цѣль правительства состоитъ въ созданіи обезпеченнаго сословія сельскихъ обывателей“. Необходимымъ для того условіемъ онъ считалъ оставленіе за освобожденными крестьянами всего надѣла, какъ имъ они пользовались при крѣпостномъ правѣ. Кромѣ очевидной справедливости этого рѣшенія въ подкрѣпленіе его былъ уже и примѣръ—при первомъ ограниченіи крѣпостного права—введеніе инвентарей въ западныхъ губерніяхъ—было положено, что „земля, находящаяся нынѣ въ пользованіи крестьянъ и подробно означенная въ инвентарѣ, должна, какъ мірская, оставаться у нихъ безъ всякаго измѣненія“.

Въ общемъ собраніи редакц. ком. этотъ вопросъ вызвалъ сильныя пререканія. Цѣлый рядъ членовъ-экспертовъ высказывался противъ существующаго надѣла и за отрѣзки у крестьянъ земли въ пользу помѣщика, не призваная обратнаго случая. Ростовцевъ достаточно ясно опредѣлялъ сущность этого вопроса. „Отрѣзкой“, говорилъ онъ, „мы уничтожаемъ крестьянина, а это будутъ, всѣ юридическія теоріи прекрасны, но здѣсь дѣло идетъ о кускѣ хлѣба; мы отнимаемъ у крестьянина этотъ кусокъ изъ вѣжливости къ помѣщику, для популярности у дворянства. Государь велѣлъ намъ улучшить бытъ; какое же это улучшеніе?“ Но въ результатѣ почти всѣ были за отрѣзку. Губернскіе же депутаты изъ числа приглашенныхъ въ Петербургъ въ большинствѣ высказались, что не должно назначать низшаго размѣра надѣла, (какъ въ сущности предлагалъ Черкасскій, принимая *minimum*—существующій) и за исключеніемъ нѣсколькихъ лицъ, всѣ приглашенные депутаты требовали, чтобы въ непосредственномъ распоряженіи владѣльца во всякомъ случаѣ осталось не менѣе цѣлыхъ двухъ третей или цѣлой половины общаго количества угодій; редакціонныя же комиссія въ заключеніи установили одну треть. Что касается вопроса о повинностяхъ, то редакц. ком. сдѣлали уступку депутатамъ повышеніемъ первоначально предположенныхъ комиссіями размѣровъ повинностей. Для всей черноземной полосы оброкъ были повышены съ 8 до 9 рублей. Замѣтимъ, что, основываясь на совершенно произвольной оцѣнкѣ земли, комитеты, по признанію редакц. ком., подтвержденному цифрами, „въ большей части случаевъ установили оброкъ, превосходившіе оброкъ крѣпостного права“. Приступая къ уста-

новленію размѣровъ выкупной суммы и выкупныхъ платежей, редакціонныя комиссіи разсуждали слѣдующимъ образомъ. „По отмѣнѣ крѣпостной зависимости, крестьяне обязаны будутъ отбывать въ пользу помѣщика за земли, отведенныя имъ въ безсрочное пользованіе, опредѣленныя повинности, въ удѣльныхъ имѣніяхъ — работами, а въ оброчныхъ — деньгами... При уступкѣ земель крестьянъ въ собственность за выкупъ, помѣщикъ лишится этого дохода, а потому и долженъ получить соразмѣрное вознагражденіе. Отсюда вытекаетъ необходимость опредѣлить высшій размѣръ выкупной суммы не оцѣнкою выкупаемыхъ угодій, а суммою постояннаго дохода или денежнаго оброка, установленнаго на основаніи „Положенія“. Не подлежитъ сомнѣнію, что доходъ этотъ во многихъ случаяхъ будетъ превышать дѣйствительную стоимость поземельныхъ угодій, такъ какъ для опредѣленія размѣра крестьянскихъ оброковъ, редакціонныя комиссіи приняли за исходную точку не поземельную ренту, а нынѣшнія повинности, установившіяся подѣ влияніемъ крѣпостного права. Изъ необходимости получить помѣщику соразмѣрное вознагражденіе и вытекла принятая ред. ком. система градациіи повинности, которая заключалась въ томъ, что чѣмъ меньше крестьянинъ получалъ надѣлъ, тѣмъ больше онъ платилъ за каждую десятину этого надѣла. Въ черноземной полосѣ крестьянинъ при трехдесятинномъ наивысшемъ надѣлѣ платилъ по 40 руб. за десятину: если его надѣлъ былъ меньше тахішпш'а и составлялъ лишь 2 десятины, то каждая обходилась ему уже въ 43 р. 33 к.; а за минимальный надѣлъ въ 1 десятину онъ платилъ уже 53 р. 33 к. Система градациіи повинностей занимаетъ одно изъ главныхъ мѣстъ среди причинъ большой неравномѣрности въ крестьянскихъ платежахъ и развитія сельской бѣдности. Редакц. комиссія много разъ обвиняли въ пристрастіи къ интересамъ крестьянъ. Это обвиненіе, какъ видно, вѣрно лишь въ томъ ограниченномъ смыслѣ, что комиссія не стояла цѣликомъ на сторонѣ помѣщиковъ.

Что касается вопроса о крестьянскомъ самоуправленіи, то слѣдуетъ отмѣтить, что полная отмѣна помѣщичьей власти надъ крестьянами не входила въ первоначальный правительственный планъ реформы. Въ рескриптѣ 20-го ноября 1857 г. было сказано: „крестьяне должны быть распределены на сельскія общества, помѣщикамъ же предоставляется вотчинная полиція“. Съ момента приступа правительства къ преобразованіямъ печать тотчасъ обратилась къ защитѣ и развитію мысли, что, какъ въ интересахъ правильнаго государственнаго устройства, такъ и ради благополучнаго разрѣшенія дѣла, необходимо упразднить помѣщичью власть и слить въ административномъ отношеніи освобожденныхъ крестьянъ съ дру-

гими сословіями. По цензурѣ разсылается циркуляръ, предписывающій преслѣдовать такую мысль, какъ противную смыслу Высочайшаго рескрипта и программы занятій губернскихъ комитетовъ. Литература не складываетъ рукъ, но въ виду нѣкоторыхъ стѣсненій продолжаетъ высказываться за возможно меньшее сохраненіе власти помѣщиковъ и вмѣшательство ихъ въ дѣла крестьянскаго міра. Мысль о полной отмѣнѣ помѣщичьей власти, какъ одно изъ основныхъ началъ предпринятой реформы, поддерживается также въ салонѣ Великой Княгини Елены Павловны. Оффиціально измѣненіе возрѣній въ отношеніи вотчинной полиціи выразилось въ извѣстномъ намъ журналѣ Главнаго Комитета отъ 4-го декабря 1858 г. Въ немъ сказано, что „помѣщикъ долженъ имѣть дѣло только съ міромъ, не касаясь личностей“. Ссылкою на это Высочайшее предложеніе ред. ком. отражала обвиненія, что отмѣною помѣщичьей власти она нарушила одно изъ постановленій рескрипта. Изъ депутатовъ первой очереди (отъ 21 губерній) значительная часть отступилась отъ предначертаній ихъ комитетовъ, сохранявшихъ вотчинныя права за помѣщиками. Права эти продолжала отстаивать только меньшая часть депутатовъ. Несовмѣстимость сохраненія начальства помѣщиковъ надъ крестьянами съ упраздненіемъ крѣпостного права была слишкомъ очевидна, а потому неудивительно, что редакціонная комиссія обнаружала въ отношеніи этой административной стороны преобразованія гораздо большую твердость, нежели въ отношеніи хозяйственной стороны. Она осталась при своихъ первоначальныхъ заключеніяхъ.

Обращаемся къ дальнѣйшему, послѣ назначенія Панина, ходу событій. Несмотря на упомянутое выше требованіе Государя и самолюбное изъясненіе свойства своихъ убѣжденій, графъ Панинъ однако нѣсколько разъ пытался видоизмѣнить, сколько возможно, направленіе, завѣщанное Ростовцевымъ своимъ сотрудникамъ. Чаще всего онъ, конечно, ссылался при этомъ на Высочайшіе рескрипты. Уже лѣтомъ 1860 года Панинъ попробовалъ дѣйствовать не какъ предсѣдатель, а какъ „начальникъ“ комиссій. А когда Милютинъ и его кружокъ дали ему отпоръ, онъ просто отложилъ свои возраженія до того времени, когда комиссій уже не будетъ—до рѣшенія дѣла въ Главномъ Комитетѣ. Ввести въ этотъ послѣдній хотя бы одного Милютина не удалось,—несмотря на то, что за него хлопоталъ Великій Князь Константинъ Николаевичъ.—Съ половины іюля комиссія приступила къ кодификаціи своихъ работъ. Конфликты съ депутатами стали замѣтно сглаживаться на почвѣ уступокъ со стороны комиссій, а конецъ совмѣстныхъ занятій комиссій и депутатовъ второй очереди (45 человекъ отъ 20 губернскихъ комите-

товъ и 2 „общихъ комиссій“: вѣленской и кievской) ознаменовался дружескимъ обѣдомъ, на которомъ одинъ изъ недолюбливаемыхъ помѣщиками „бюрократовъ“ Я. Соловьевъ провозгласилъ тостъ въ честь губернскихъ комитетовъ. Ред. ком. сдѣлала весьма значительныя уступки помѣщикамъ по вопросу обезпеченія быта крестьянъ и только сохранила свою позицію въ вопросѣ о необходимости права собственности крестьянъ на землю и о помѣщичьей власти. Произошло это, кромѣ большого упорства помѣщиковъ въ хозяйственныхъ вопросахъ еще и потому, что безусловная потребность надѣленія крестьянъ землею и отмены вотчинной полиціи, ради благополучнаго разрѣшенія крестьянскаго преобразованія, была слишкомъ очевидна каждому просвѣщенному человѣку. 10 октября 1860 года редакціонныя комиссіи были официально закрыты, членамъ ихъ „за неутомимые и усердные ихъ труды“ объявлено Высочайшее благоволеніе, а составленные ими проекты положеній и разныхъ дополнительныхъ правилъ о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости,—числомъ двадцать—внесены на разсмотрѣніе Главнаго Комитета. Назначеніе Великаго Князя Константина Николаевича предсѣдателемъ этого комитета, состоявшееся тогда же, на мѣсто заболѣвшаго за нѣсколько дней до закрытія комиссій кн. А. Ѳ. Орлова, было радостно встрѣчено сторонниками его взглядовъ на проведеніе реформы. Назначеніе это давало Великому Князю возможность оказать сильное вліяніе на успешное окончаніе дѣла, которому онъ горячо сочувствовалъ. Великій Князь, находясь передъ тѣмъ за границей, внимательно слѣдилъ за дѣятельностью комиссій при дѣятельномъ содѣйствіи своего секретаря А. В. Головина, который, будучи другомъ Н. А. Милютина и пріятелемъ многихъ членовъ комиссій, всегда зналъ, что въ нихъ происходило. Благодаря этому Великій Князь ознакомился не только съ существенными сторонами проекта, но и съ мотивами его, которыхъ редакціонныя комиссіи не успѣли изложить въ объяснительной запискѣ, вслѣдствіе неспѣшности ихъ закрытія. Такимъ образомъ онъ явился вполне подготовленнымъ для выполненія возложенной на него Государемъ задачи предсѣдательства въ Главномъ Комитетѣ во время обсужденія проекта комиссій. Здѣсь происходила та же борьба, которая началась въ губернскихъ комитетахъ, и продолжалась у депутатовъ перваго приглашенія съ редакціонными комиссіями—борьба изъ-за земли. Изъ сторонниковъ обязательнаго выкупа (т. е. немедленной ликвидаціи крѣпостныхъ отношеній) въ Главномъ Комитетѣ оказался одинъ Блудовъ. Добровольныя соглашенія крестьянъ съ помѣщиками защищалъ князь Гагаринъ, но съ поправкой, что по 1 десятинѣ крестьяне все-таки должны получить

непремѣнно (даровой такъ называемый „нищенскій“ и „гагаринскій“ надѣлъ). Большинство, съ предсѣдателемъ Великимъ Княземъ Константиномъ Николаевичемъ во главѣ, стояло за проектъ редакціонныхъ комиссій,—но для абсолютнаго большинства этой группѣ не хватало одного голоса, такъ какъ въ комитетѣ образовалась еще группа, съ министромъ государственныхъ имуществъ М. Н. Муравьевымъ (Виленскимъ) въ главѣ. Ихъ контръ-проектъ, составленный директоромъ департамента сельскаго хозяйства Вацевымъ, предлагалъ оставить за крестьянами существовавшіе надѣлы, а окончательное разрѣшеніе устройства поземельныхъ отношеній между крестьянами и помѣщиками отсрочить до обмежеванія и кадастрированія всѣхъ владѣльческихъ дачъ, т. е. за отсрочку ликвидацій этихъ отношеній на неопредѣленное время. Въ всякихъ группѣ стоялъ Панинъ—часто говорившій о неуклонномъ соблюденіи Высочайшей воли, но рѣшительно отказывавшійся признать заключенія Высочайше учрежденныхъ и состоявшихъ полгода подъ его предсѣдательствомъ редакціонныхъ комиссій по 4 пунктамъ: онъ стоялъ за вотчинную полицію помѣщиковъ, возставалъ противъ предоставленія крестьянамъ ихъ надѣловъ изъ помѣщичьихъ земель въ безсрочное пользованіе и въ связи съ этимъ противъ ограниченія правъ собственности помѣщика на его землю,—наконецъ, требовалъ дальнѣйшаго пониженія наивысшаго крестьянскаго надѣла—т. е. дальнѣйшихъ отрѣзковъ. Разсмотрѣнію проектовъ положеній Главный Комитетъ посвятилъ болѣе сорока засѣданій, продолжавшихся каждое свыше шести, семи часовъ. А. В. Головинъ въ одномъ частномъ письмѣ ихъ описываетъ такъ: „Пренія были очень горячія. Нужно отдать справедливость Великому Князю—предсѣдателю, что всѣ члены пользовались полною свободою выражать свои мнѣнія, и нужно прибавить, что по своей молодости, по своимъ физическимъ силамъ, уму и памяти, которыми природа такъ счастливо надѣлила Великаго Князя, и по прилежанію, онъ оказался лучше знающимъ дѣло, чѣмъ всѣ члены. Дѣло втянулось благодаря безконечнымъ преніямъ, большому разномыслію среди членовъ наиболѣе вліятельныхъ, а въ особенности, по моему мнѣнію, потому, что секретарь комитета, г. Бутковъ, до сихъ поръ не успѣлъ еще раскрыть, который изъ членовъ наиболѣе могущественъ, и слѣдовательно не знаетъ, въ чью пользу привести въ движеніе всю силу канцеляріи, силу, которая имѣетъ дѣйствительную власть у насъ. Императоръ, возвратившійся, между тѣмъ, изъ Варшавы, остается безмолвнымъ и безстрастнымъ, и не позволяетъ догадываться, которому изъ различныхъ мнѣній Его Величество симпатизируетъ. Вообще нужно сказать, что веденіе Императоромъ все этого дѣла дѣлаетъ ему величай-

шую честь". Наконецъ, Великому Князю удалось убѣдить Панина пристать къ его мнѣнію, къ которому присоединился, уступая настояніямъ самого Государя, и графъ Адлербергъ (сторонникъ Гагарина). Такимъ образомъ, составилось большинство въ пользу проектовъ редакціонныхъ комиссій, но цѣликомъ они приняты не были. Панинъ соглашался поступиться вотчинной полиціей, относительно безсрочнаго пользованія ему объяснили, что по существу это не затронетъ интересы помѣщиковъ и явится лишь юридической фикціей, но относительно надѣловъ онъ стоялъ твердо на своемъ. Благодаря этому размѣры крестьянскихъ надѣловъ въ Главномъ Комитетѣ потерпѣли весьма значительныя измѣненія и были сокращены. „Мѣстности съ 8 десятинами высшаго надѣла были совсѣмъ отброшены изъ провѣрки, съ общимъ переводомъ изъ 8-ми десятинныхъ надѣловъ на 7-ми десятинные“, рассказываетъ очевидецъ. „Такъ, гдѣ высшій надѣлъ былъ предположенъ въ $3\frac{3}{4}$ десятины, вмѣсто этого размѣра было принято назначать $3\frac{1}{2}$ или 4 десятины, смотри по мѣстному положенію. Когда дошли до Даниловскаго уѣзда Ярославской губерніи, и гр. Панинъ спросилъ Топильскаго (чиновника министерства юстиціи, до сего времени не имѣвшаго никакого касательства къ этимъ земельнымъ вопросамъ), „какую принять въ немъ цифру для высшаго размѣра, послѣдній, т. е. Топильскій, не понялъ и сказалъ $4\frac{1}{2}$ десятины. Гр. Панинъ, прочтя выставленную въ вѣдомостяхъ цифру, сказалъ: „А я думалъ $3\frac{1}{2}$ десятины“. Я замѣтилъ, что въ Даниловскомъ уѣздѣ мало земли у помѣщиковъ, и надѣлы крестьянъ въ натурѣ вообще не велики. Тогда графъ опять спросилъ Топильскаго: какъ же рѣшить? Топильскій отвѣчалъ, что въ такомъ случаѣ 4 десятины“. (Описано у Н. П. Семенова. „Освобожденіе крестьянъ въ царствованіе Императора Александра II“, III, ч. 2-я, стр. 770—771). Просидѣвъ еще нѣсколько часовъ за этой работой, Панинъ уменьшилъ на $\frac{1}{2}$ десятины надѣлъ у новороссійскихъ крестьянъ.—Послѣднее соединенное засѣданіе Главнаго Комитета съ совѣтомъ министра происходило 26-го января 1861 года, подъ личнымъ предсѣдательствомъ Государя. Александръ Николаевичъ благодарилъ большинство членовъ, подавшихъ голосъ за проектъ положеній, и особенно Великаго Князя Константина Николаевича, такъ много потрудившагося для дѣла освобожденія; Государь его нѣсколько разъ обнялъ и поцѣловалъ. О редакціонныхъ комиссіяхъ онъ отзывался, что на нихъ сильно нападали, но большею частью совершенно несправедливо, главнымъ образомъ, по незнакомію дѣла; что трудъ ихъ исполненъ съ большимъ знаніемъ и большою добросовѣстностью. Затѣмъ, Императоръ объявилъ, что, допустивъ при обсужденіи этого дѣла для всѣхъ и cadaго полную

свободу выражать свое мнѣніе, онъ уже не допуститъ никакихъ отмычекъ, отлагательствъ и проволочекъ и хочетъ, чтобы дѣло было окончено непременно къ 15-му февраля. „Этого“, сказалъ онъ, „Я желаю, требую, повелѣваю“.

28-го января приняты Главнымъ Комитетомъ проекты положеній внесены на обсужденіе Государственнаго Совѣта. Засѣданіе это Императоръ открылъ слѣдующею знаменательною рѣчью:

„Дѣло объ освобожденіи крестьянъ, которое поступило на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта, по важности своей, Я считаю жизненнымъ для Россіи вопросомъ, отъ котораго будетъ зависѣть развитіе ея силы и могущества. Я увѣренъ, что вы всѣ, господа, столько же убѣждены, какъ и Я, въ пользѣ и необходимости этой мѣры. У меня есть еще другое убѣжденіе, а именно, что откладывать этого дѣла нельзя; почему Я требую отъ Государственнаго Совѣта, чтобы оно было имъ кончено въ первую половину февраля и могло быть объявлено къ началу полевыхъ работъ; возлагаю это на прямую обязанность председательствующаго въ Государственномъ Совѣтѣ. Повторяю—я это Моя неперемѣнная воля,—чтобъ дѣло это теперь же было окончено.“

„Вотъ уже четыре года, какъ оно длится и возбуждаетъ различныя опасенія и ожиданія какъ въ помѣщикахъ, такъ и въ крестьянахъ. Всякое дальнѣйшее промедленіе можетъ быть пагубно для государства. Я не могу не удивляться и не радоваться и увѣренъ, что и вы всѣ также радуетесь тому довѣрію и спокойствію, какое выказалъ нашъ добрый народъ въ этомъ дѣлѣ. Хотя опасенія дворянства до нѣкоторой степени понятны, ибо они касаются самыхъ близкихъ и матеріальныхъ интересовъ каждаго, при всемъ томъ Я не забываю и не забуду, что приступъ къ дѣлу сдѣланъ былъ по вызову самого дворянства, и Я счастливъ, что мнѣ суждено свидѣтельствовать объ этомъ передъ потомствомъ. При личныхъ моихъ разговорахъ съ губернскими предводителями дворянства и во время путешествій моихъ по Россіи, при приѣмѣ дворянъ, Я не скрывалъ Моего образа мыслей и взгляда на занимающій всѣхъ насъ вопросъ и говорилъ вслѣдъ, что это преобразование не можетъ совершиться безъ нѣкоторыхъ пожертвованій съ ихъ стороны и что все стараніе Мое заключается въ томъ, чтобы пожертвованія эти были сколь возможно менѣе обременительны и тягостны для дворянства. Я надѣюсь, господа, что при разсмотрѣніи проектовъ, представленныхъ въ Государственный Совѣтъ, вы убѣдитесь, что все, что можно было сдѣлать для огражденія выгодъ помѣщиковъ, сдѣлано; если же вы найдете нужнымъ въ чемъ-либо измѣнить или добавить представляемую работу, то Я готовъ принять ваши

замѣчанія; но прошу только не забывать, что основаніемъ всего дѣла должно быть улучшеніе быта крестьянъ и улучшеніе не на словахъ только и не на бумагѣ, а на самомъ дѣлѣ.

„Прежде чѣмъ приступить къ подробному разсмотрѣнію самого проекта, хочу изложить вкратцѣ историческій ходъ этого дѣла. Вамъ извѣстно происхожденіе крѣпостного права. Оно у насъ прежде не существовало; право это установлено самодержавною властью, и только самодержавная власть можетъ его уничтожить, а на это есть Моя прямая воля.

„Предшественники Мои чувствовали все зло крѣпостного права и постоянно стремились если не къ прямому его уничтоженію, то къ постепенному ограниченію произвола помѣщичьей власти.

„Съ этою цѣлью при Императорѣ Павлѣ былъ изданъ законъ о трехдневной барщинѣ, при Императорѣ Александрѣ, въ 1803 году, законъ о свободныхъ хлѣбопашцахъ, а при родителѣ Моемъ, въ 1842 году, указъ объ обязанныхъ крестьянахъ. Оба послѣдніе закона были основаны на добровольныхъ соглашеніяхъ, но, къ сожалѣнію, не имѣли успѣха. Свободныхъ хлѣбопашцевъ всего немного болѣе 100,000, а обязанныхъ крестьянъ и того менѣе. Многіе изъ васъ, бывшіе членами Совѣта при разсмотрѣніи закона объ обязанныхъ поселянахъ, вѣроятно, припомнятъ тѣ сужденія, которыя происходили въ присутствіи самого Государя. Мысль была благая, и если бы исполненіе закона не было обставлено, можетъ быть и съ умысломъ, такими формами, которыя останавливали его дѣйствія, то введеніе въ исполненіе этого закона тогда же во многомъ облегчило бы настоящее преобразование. Покойный Мой родитель постоянно былъ занятъ мыслью объ освобожденіи крестьянъ. Я, вполне ей сочувствуя, еще въ 1856 году, передъ коронаціею, бывши въ Москвѣ, обратилъ вниманіе предводителей дворянства Московской губерніи на необходимость заняться улучшеніемъ быта крѣпостныхъ крестьянъ, присовокупивъ къ тому, что крѣпостное право не можетъ вѣчно продолжаться, и что потому лучше, чтобы преобразование это совершилось сверху, чѣмъ снизу. Вскорѣ послѣ того, въ началѣ 1857 года, Я учредилъ, подъ личнымъ моимъ предсѣдательствомъ особый комитетъ, которому поручилъ заняться принятіемъ мѣръ къ постепенному освобожденію крестьянъ. Въ концѣ того же 1857 года, поступило прошеніе отъ трехъ литовскихъ губерній, просившихъ дозволенія приступить прямо къ освобожденію крестьянъ. Я принялъ это прошеніе, разумѣется, съ радостью и отвѣчалъ рескриптомъ 20-го ноября 1857 года на имя генералъ-губернатора Назимова. Въ этомъ рескриптѣ указаны главные начала, на коихъ должно совершиться преобразование; эти главные начала

должны и теперь служить основаніемъ вашихъ разсужденій. Мы желали, давая личную свободу крестьянамъ и признавая землю собственностью помѣщиковъ, не сдѣлать изъ крестьянъ людей бездомныхъ и потому вредныхъ какъ для помѣщика, такъ и для государства. Эта мысль служила основаніемъ работъ, представленныхъ теперь Государственному Совѣту Главнымъ Комитетомъ. Мы хотѣли избѣгнуть того, что происходило за границей, гдѣ преобразование совершалось почти вездѣ насильственнымъ образомъ; примѣръ этому, весьма дурной, мы видѣли въ Австріи, и именно въ Галиціи. Безземельное освобожденіе крестьянъ въ остзейскихъ губерніяхъ сдѣлало изъ тамошнихъ крестьянъ населеніе весьма жалкое, и только теперь, послѣ 40 лѣтъ, намъ едва удалось улучшить ихъ бытъ, опредѣливъ правильныя ихъ отношенія къ помѣщикамъ. То же было и въ Царствѣ Польскомъ, гдѣ свобода была дана Наполеономъ безъ опредѣленія поземельныхъ отношеній и гдѣ безземельное освобожденіе крестьянъ имѣло послѣдствіемъ, что власть помѣщиковъ сдѣлалась для крестьянъ тяжелѣе, чѣмъ прежде крѣпостное право. Это вынудило покойнаго родителя Моего издать въ 1846 году особыя правила для опредѣленія отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ и въ Царствѣ Польскомъ.

„Вслѣдъ за рескриптомъ, даннымъ генераль-губернатору Назимову, начали поступать просьбы отъ дворянства другихъ губерній, которымъ были даны отвѣты рескриптами, на имя генераль-губернаторовъ и губернаторовъ, подобнаго же содержанія съ первымъ. Въ этихъ рескриптахъ заключались тѣ же главныя начала и основанія и разрѣшалось приступить къ дѣлу на тѣхъ же указанныхъ мною началахъ. Вслѣдствіе того были учреждены губернскіе комитеты, которымъ для облегченія ихъ работъ была дана особая программа. Когда, послѣ даннаго на то срока, работы комитетовъ начали поступать сюда, Я разрѣшилъ составить особую редакціонную комиссію, которая должны были разсмотрѣть проекты губернскихъ комитетовъ и сдѣлать общую работу въ систематическомъ порядкѣ. Предсѣдателемъ этихъ комиссій былъ сначала генераль-адъютантъ Ростовцевъ, а по кончинѣ его — графъ Панинъ. Редакціонныя комиссіи трудились въ продолженіе года и семи мѣсяцевъ и, несмотря на всѣ нареканія, можетъ быть, отчасти и справедливыя, которымъ комиссіи подвергались, онѣ окончили свою работу добросовѣстно и представили ее въ Главный Комитетъ. Главный Комитетъ, подъ предсѣдательствомъ Моего брата, трудился съ неутомимою дѣятельностью и усердіемъ. Я считаю обязанностью благодарить всѣхъ членовъ комитета, а брата Моего въ особенности, за ихъ добросовѣстные труды въ этомъ дѣлѣ.

„Взгляды на представленную работу могут быть различны. Потому всё различныя мнѣнія я выслушиваю охотно, но Я въ правѣ требовать отъ васъ одного: чтобы вы, отложивъ всё личныя интересы, дѣйствовали не какъ помѣщики, а какъ государственные сановники, облеченные моимъ довѣріемъ. Приступая къ этому важному дѣлу, Я не скрывалъ отъ себя всѣхъ тѣхъ затрудненій, которыя насъ ожидали, и не скрываю ихъ и теперь, но, твердо уповая на милость Божию и, увѣренный въ святости этого дѣла, Я надѣюсь, что Богъ насъ не оставитъ и благословитъ насъ кончить его для будущаго благоденствія любезнаго намъ отечества. Теперь, съ Божіею помощью, приступимъ къ самому дѣлу“.

Головнинъ въ письмѣ князю Барятинскому по поводу произнесенной Государемъ рѣчи выражается такъ: „Эта рѣчь поставила Государя безконечно выше всѣхъ его министровъ и членовъ Совѣта. Онъ выросъ безмѣрно, а они опустились. Отнынѣ онъ приобрѣлъ себѣ безсмертіе. Надо замѣтить, что эта рѣчь не была разработана какою-либо канцеляріей Совѣта, не была написана и прочтана,— нѣтъ, то была совершенно свободная импровизація, естественное представленіе мысли, которая давно созрѣла въ головѣ“.

Несмотря на все при обсужденіи проекта въ Государственномъ Совѣтѣ Императору приходилось очень часто соглашаться съ мнѣніемъ меньшинства членовъ, а не большей его части, которое стояло за помѣщичьи интересы и относилось враждебно къ проекту ред. ком. объ освобожденіи крестьянъ съ достаточнымъ надѣломъ. Самыя существенныя измѣненія законопроекта редакціонныхъ комиссій, сдѣланныя отчасти уже и Главнымъ Комитетомъ, приняты громаднымъ большинствомъ членовъ Государственнаго Совѣта и утвержденны Государемъ, были: 1) уменьшеніе для большаго числа мѣстностей наивысшаго размѣра надѣла и соответствующее этому пониженіе низшаго, 2) введеніе дароваго надѣла ¹⁾. Февраля 17-го было послѣднее засѣданіе Совѣта, а 19-го проектъ законоположеній получилъ уже силу закона.

Первоначальный проектъ манифеста объ освобожденіи крестьянъ составленъ Ю. О. Самаринымъ при участіи Н. А. Милютина, но, по Высочайшему повелѣнію, онъ былъ передѣланъ московскимъ митрополитомъ Филаретомъ ²⁾. Историческое гусиное перо, кото-

¹⁾ Народъ прозвалъ его „ищенскимъ“ или „сиротскимъ“ надѣломъ.

²⁾ Сличеніе черноваго подлинника митрополита Филарета, хранящагося въ архивѣ Св. Синода, съ опубликованнымъ текстомъ манифеста обнаруживаютъ только самыя незначительныя измѣненія.

рымъ былъ манифестъ подписанъ, хранится въ Москвѣ, въ Историческомъ музеѣ. Манифестомъ устанавливались такія главныя основанія преобразованія: сохраненіе за помѣщиками права собственности на землю съ предоставленіемъ крестьянамъ въ постоянное пользованіе, за установленныя повинности, усадебной осѣлости и полевого надѣла; переходное состояніе, въ продолженіе котораго крестьяне именовались временно-обязанными; право выкупа крестьянами усадебъ и полей; полное освобожденіе въ двухлѣтній срокъ дворовыхъ людей; новый порядокъ общественнаго крестьянскаго управленія. Манифестъ перечислялъ и новыя учрежденія для приведенія въ исполненіе положеній: губернскія по крестьянскимъ дѣламъ присутствія; мировые посредники; составленіе уставныхъ грамотъ, опредѣляющихъ взаимныя отношенія помѣщиковъ и крестьянъ. Нужно замѣтить, что въ изложеніи манифеста и въ новыхъ положеніяхъ было довольно много для народа непонятнаго но главное было само собою хорошо понято, а заключительныя слова: „Осѣня себя крестнымъ знаменіемъ, православный народъ, и призови съ Нами Божіе благословеніе на твой свободный трудъ, залогъ твоего домашняго благополучія и блага общественнаго“, по своей трогательности остались навсегда въ памяти потомства. Манифестъ объ освобожденіи крестьянъ объявленъ сенату 2-го марта и въ воскресенье, 5-го числа того же мѣсяца, обнародованъ во всеобщее свѣдѣніе въ Петербургѣ, прочтеніемъ въ церквахъ послѣ обѣдни. На разводѣ въ Михайловскомъ манежѣ Государь Самъ прочиталъ манифестъ, встрѣченный громогласнымъ и долго несмолкавшимъ „ура!“. Въ продолженіе марта состоялось обнародованіе манифеста повсемѣстно, во всѣхъ концахъ Россіи.

Въ самомъ началѣ очерка мы вспомнили слова писателя М. Е. Салтыкова, въ которыхъ значительный успѣхъ реформы онъ приписываетъ одной лишь нравственной силѣ народа, находя, что эта сила наложила печать на характеръ преобразованія. Эти слова, полагаемъ, слѣдуетъ понимать въ томъ смыслѣ, что, во-первыхъ, освобожденіе крестьянъ все-таки состоялось, чего бы не было, если бы работы оказались въ обстановкѣ народныхъ волненій и, во-вторыхъ, что величіе реформы, о которомъ часто говорятъ, но понимаютъ подъ нимъ наличность такого идеализма, какого у большей части участниковъ преобразованія вовсе не было, что это величіе всецѣло относится къ картинѣ поразительной выдержки народной массы, съ которою она ждала предстоящаго переворота съ той минуты, когда выяснилась его неизбѣжность. Усилившіяся въ 40-хъ годахъ и въ 1854—55 г.г. крестьянскія волненія съ этого времени прекратились. До поднятія крестьянскаго вопроса среднее число

убійствъ помѣщиковъ въ годъ было 18, послѣ же объявленія рескриптовъ не было ни одного случая убійства. „Помѣщики пожилые“, пишетъ очевидецъ освобожденія, „весь свой вѣкъ проведеніе съ крестьянами, признавались потомъ, что они не ожидали отъ нихъ такого спокойствія и самообладанія“. Простой здравый смыслъ подсказывалъ народу, что волноваться не изъ чего, когда ждешь улучшенія своего положенія; однако, огромное количество помѣщиковъ предполагало всевозможныя для себя опасности съ объявленіемъ свободы, вѣроятно, потому, что во времена усиленныхъ ожиданій масса дѣйствительно становится особенно легковѣрной и склонной поддаваться всевозможнымъ наущеніямъ, готова идти на такое дѣло, которое приноситъ явную гибель. Суть, однако, не въ томъ пониманіи народа создавшагося положенія, о которомъ мы только-что сказали и каковое является довольно естественнымъ— „народъ безмолвствовалъ“, по нашему мнѣнію, потому, что считалъ крѣпостное право послѣ освобожденія дворянъ отъ службы слишкомъ явнымъ недоразумѣніемъ и чувство справедливости заставляло его съ каждымъ новымъ царствованіемъ въ теченіе этого 99-лѣтняго промежутка обнаруживать свою полную вѣру въ близость скорого раскрѣпощенія. Объ этомъ вѣрномъ (по горькой необходимости) историческомъ чутьѣ говорятъ многіе факты, нѣкоторые изъ нихъ здѣсь уже приводились. Нравственная мощь народа сказалась именно въ томъ благородномъ спокойствіи съ каковымъ народъ ожидалъ и встрѣтилъ ту реформу, которую онъ считалъ государственною необходимостью. И вполнѣ вѣрно, что оно наложило печать идеализма на весь характеръ преобразованія, въ которомъ, какъ видно даже изъ нашего очень неполнаго очерка, было много, очень много темныхъ сторонъ. Вѣдь недостатки вновь создавшагося положенія слишкомъ хорошо извѣстны, о нихъ въ одинъ голосъ говорятъ изслѣдователи крестьянскаго вопроса. „Положеніе“ 19 февраля уменьшило значительно крестьянское землевладѣніе, а повинности сохранило существовавшія, слѣдовательно, относительно увеличило ихъ. И если къ повинностямъ, существовавшимъ при крѣпостномъ правѣ, прибавить тѣ разнообразныя и значительныя земскіе сборы и платежи для содержанія внутренней крестьянской администраціи, то станетъ ясно, насколько неудовлетворительное состояніе хозяйственнаго быта народа, продолжающееся и по нынѣ, находятся въ тѣсной связи съ той обстановкой, какая создавалась, какъ было описано, при проведеніи того начала, каковое было высказано въ Высочайшемъ рескриптѣ 20-го ноября 1857 г. Это основаніе, что „крестьянамъ должно быть отведено надлежащее по мѣстнымъ удобствамъ количество земли для выполненія ихъ обязанностей передъ прави-

тельствомъ и помѣщикомъ“, не оказалось возможнымъ провести въ дѣйствительности.

Переходимъ къ тому впечатлѣнію, какое было произведено на народъ положеніями 19-го февраля. вмѣсто шумныхъ изъявленій радости, крестьяне выражали ее тѣмъ, что служили благодарственные молебны; ставили свѣчи за Царя-Освободителя; составляли приговоры объ отправленіи въ день объявленія манифеста церковнаго служенія на вѣчныя времена; жертвовали на сооруженіе въ приходскихъ церквахъ иконъ или предѣловъ во имя Св. Александра Невского, а также особаго храма того же имени въ Москвѣ; дѣлали сборы на облегченіе участи арестантовъ и учрежденіе сельскихъ школъ; христосовались между собою; писали всеподданнѣйшіе адреса. Другое утѣшительное явленіе, сопровождавшее манифестъ, была трезвость. Обнародованіе его не только не увеличило, но уменьшило пьянство, которому обыкновенно предается простонародье въ послѣдній день масленицы и въ первое, „прощевое“ воскресенье великаго поста, считающееся во многихъ мѣстахъ, по городамъ и селамъ, годовымъ и ярмарочнымъ или базарнымъ днемъ. Воздержность эта замѣчена была въ обѣихъ столицахъ, и такія же получены извѣстія изъ губерній Симбирской, Ярославской, Псковской, Калужской, Костромской, Тульской и Архангельской. Проживавшіе въ Петербургѣ бывшіе крѣпостные получили возможность лично выразить Царю на Дворцовой площади свои чувства благоговѣйной и трогательной благодарности за полученную волю.

Введеніе въ дѣйствіе новыхъ положеній производилось, за весьма немногими исключеніями, въ полномъ порядкѣ. Недоразумѣнія встрѣчались довольно рѣдко, еще рѣже волненія между крестьянами или сопротивленіе ихъ распоряженіямъ властей. И если происходило что-либо, то лишь вслѣдствіе взаимнаго добровольнаго непониманія.

Въ одномъ мѣстѣ очерка мы уже вспоминали тѣ выдающіяся имена въ художественной литературѣ, которыя коснулись грубой стороны современной имъ дѣйствительности. И если Пушкинъ со своимъ съ блестящимъ по формѣ и горячимъ по содержанию стихотвореніемъ „Деревня“ не могъ произвести на общество должнаго впечатлѣнія, хотя бы потому, что оно даже и не появилось тогда въ цѣломъ видѣ, то уже Грибоѣдовъ своею гениальною картиною нравовъ, сдѣлавшеюся общезвѣстною, заставилъ взволноваться Московское и Петербургское дворянство. Въ дальнѣйшіе годы, въ Николаевское царствованіе художественная литература, въ лицѣ крупнѣйшихъ своихъ представителей, съ такою возрастающей яркостью описываетъ всю горечь крѣпостного состоянія, безудержность помѣ-

щичьяхъ злоупотребленій, что ей по справедливости, въ исторіи нашей общественности отводится одно изъ первыхъ мѣстъ, и она вводится въ число причинъ, способствовавшихъ уничтоженію подневольнаго состоянія крестьянъ. Намъ нѣтъ нужды останавливаться на этихъ произведеніяхъ—они достаточно хорошо всѣмъ извѣстны.

Отъ „Исторіи села Горохина“ Пушкина, черезъ Лермонтова и Гоголя литература пришла къ Григориичу, Некрасову и Тургеневу, гдѣ крестьянннъ, помѣщикъ и ихъ взаимныя отношенія составляли главное содержаніе произведеній въ извѣстное время ихъ дѣятельности. А „Записки охотника“ и „Муму“ Тургенева являються вѣнцамъ этой литературы и лучшимъ памятникомъ челоѳчности лучшихъ людей того времени. По собственному свидѣтельству Тургенева, Императоръ Александръ II Самъ сказалъ ему, что съ „тѣхъ поръ, какъ Онъ прочелъ „Записки охотника“, Его ни на минуту не оставляла мысль о необходимости освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости“. А такіе писатели, какъ Бѣлинскій и Герценъ,¹⁾ своею публицистическою дѣятельностью (Герценъ отчасти и художественною) также заслужили право на вѣчную признательность со стороны потомства за неустанную борьбу съ укоренившимся зломъ современной имъ дѣйствительности.

Съ уничтоженіемъ крѣпостного права пала вѣковая перегородка, отдѣлявшая одну часть русскаго народа отъ другой, устранились главныя преграды къ его развитію. Къ счастью, благодаря исторически сложившимся условіямъ, въ нашей странѣ не было завоевателей—господъ и завоеванныхъ—рабовъ и основа крѣпостного права, лишь временная необходимость въ такомъ видѣ общей всѣмъ службы государству, сдѣлала то, что стремленія баръ въ XVIII и первой половинѣ XIX в. создать изъ своихъ же сородичей рабовъ увѣнчались успѣхомъ лишь ненадолго. Потому-то въ нашемъ народѣ не замѣчается тѣхъ униженныхъ чертъ въ характерѣ, которыя бывають въ населеніи, долго пробывшемъ въ рабствѣ; потому-то въ немъ не забыта талантливость и смѣтливость, вызывающія надежды на ростъ его въ будущемъ. Надо только, чтобы бѣдность и пьянство и вообще тяжелыя нравственныя переживанія современнаго крестьянства не загубили свѣтлаго народнаго образа, чтобы Хорь, Калинычъ и Касьянъ съ Красивой Мечи Тургенева еще жили въ нашемъ представленіи, какъ существующіе; чтобы дѣйствитель-

¹⁾ Сюда слѣдуетъ отнести и Каведина, оказавшаго пліаніе на ходъ общественной мысли при проведеніи реформы.

ность насъ въ этомъ не обманывала. Многимъ кажется возможнымъ что дорогія наши народныя черты не исчезнутъ.

Измѣненіе существеннаго государственнаго основанія вызвало реформу всѣхъ тѣхъ учрежденій, которыя всецѣло покоились на крѣпостномъ правѣ. Преобразования—земское, городское, судебное, военное, народнаго образованія были логическимъ слѣдствіемъ уничтоженія крѣпостныхъ отношеній.

Протекшее пятидесятилѣтіе разрушило многое изъ того лирическаго отношенія къ 19 февраля, которое было вызвано общимъ впечатлѣніемъ отъ спокойно, безъ крайняго напряженія народныхъ и общественныхъ силъ, проведенной реформы и привело теперь лишь къ научному изученію вопроса, безъ примѣси былой романтики. Но, несмотря на все, несмотря ни на какіе обнаружившіеся и продолжающіе обнаруживаться недостатки крестьянскаго дѣла 60-хъ годовъ, нельзя отнять у насъ чувства глубокой благодарности къ Царю-Освободителю Александру II и къ такимъ дѣятелямъ, какъ Великій Князь Константинъ Николаевичъ, Великая Княгиня Елена Павловна, какъ Унковскій, Николай Милютинъ, кн. Черкасскій, Ростовцевъ и немногіе др., волею и работою давшіе народу новую жизнь.

В. Я.

